Orlov, A. F.

"Slovo o polku Igorevie"

ВСЕОБЩАЯ УЧЕНИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

№ 1.

„Слово о полку Игоревѣ“

Подробный разборъ для учащихся.

СОСТАВИЛИ:

А. Ѳ. ОРЛОВЪ и И. П. КАРСКІЙ.

Книгоиздательство „Школа“.

Цѣна 15 коп.

СЕОБЩАЯ УЧЕНИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

№ 1.

„Слово о полку Игоревѣ"

ПОДРОБНЫЙ РАЗБОРЪ
для учащихся

СОСТАВИЛИ:

А. Орловъ и И. П. Карскій

Книгоиздательство „Школа".

Типографія В. Цывинскаго.

Текстъ „Слова о полку Игоревѣ“.

I.

Не лѣпо ли ны бяшеть, братіе, начати старыми словесы трудьныхъ повѣстій [1]) о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? Начати-же ся той пѣсни по былинамъ сего времене [2]), а не по замышленію Бояню [3]). Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашеться мыслію по древу, сѣрымь вълкомъ по земли, сизымь орьломь подъ облакы. Помьняшеть бо, рече [4]), пьрвыхъ временъ усобицѣ; тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедей [5]): которыя дотечаше, та преди пѣснь пояше старому Ярославу, храброму Мьстиславу, иже зарѣза

---

[1]) „Старыя словесы“—былины, сложенныя Бояномъ или другими пѣвцами — „Трудныя повѣсти“ — сказанія о бѣдствіяхъ.

[2]) Т. е. по современнымъ пѣвцу разсказамъ.

[3]) Боянъ — миѳическій пѣвецъ временъ Всеслава Полоцкаго, умершаго въ 1101 г.

[4]) Вводное слово: молъ, дескать.

[5]) 10 пальцевъ уподобляются 10 соколамъ, а струны на гусляхъ — стаду лебедей.

Редедю предъ пълкы касожьскыми, красьному Романови Святъславличу [1]). Боянъ же братіе, не 10 соколовъ на стадо лебедей пущаше, нъ своя вѣщая пьрсты на живыя струны въскладаше; они же сами князем̾ъ славу рокотаху.

Почънемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшьняго Игоря, иже стягну умъ крѣпостію своею и поостри сердьца своего мужествомь; напълнивъся ратьнаго духа, наведе своя храбрыя пълкы на землю половецкую за землю русьскую.

II.

Тогда Игорь възьрѣ на свѣтьлое солньце и видѣ отъ него тьмою вься своя воя прикрыты [2]). И рече Игорь къ дружинѣ своей: „Братіе и дружино! луче же бы потяту быти, неже полонену быти, а въсядемъ, братіе, на своя бързыя комони, да позьримъ синяго Дону". Спала князю умь похоти и жалость ему знаменіе заступи искусити Дону великаго. „Хощю бо, — рече, — копіе преломити конець поля половецкаго; съ вами, Русичи, хощю главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону". О Бояне, соловію старого времене! абы ты сія пълкы ущекоталъ, скача, славію [3]), по мыслену древу, летая

---

[1]) Боянъ воспѣвалъ Ярослава (1054), брата его Мстислава Тмутороканскаго (его единоборство съ Редедею) и Р(о)мана Святославича.

[2]) Затменіе — дурная примѣта.

[3]) Зват. пад., вмѣсто соловію.

умомь подъ облакы, съвивая, славію оба полы сего времене, рища къ тропу Трояню [1]), чресъ поля на горы. Пѣти было пѣснь Игореви, того внуку: „Не буря соколы занесе чресъ поля широкая, галици стады бѣжать къ Дону великому"…. Чили [2]) въспѣти было, вѣщій Бояне, Велесовъ [3]) внуче: „Комони ржють за Сулою [4]); звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ.

Стоять стязи въ Путивлѣ, Игорь жьдеть мила брата Вьсеволода. И рече ему буй-туръ Вьсеволодъ [5]): „Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтьлый — ты, Игорю! оба есвѣ Святъславлича. Сѣдлай, брате, своя борзыя комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти Куряне свѣдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяни, конець копія въскърмлени, пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаемы, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изострены, сами скачють, акы сѣрыи вълци въ полѣ, ищючи себѣ чти, а князю славы".

Тогда вступи Игорь князь въ златъ стремень и поѣха по чистому полю. Солньце ему тьмою путь заступаше; нощь стонущи ему грозою птичь убуди; свистъ звѣринъ въста…

---

[1]) Прилагательн. *Троянь* отъ им. собств. Троянъ. Съ именемъ этого императора римскаго связано названіе *Трояновъ валъ*, который и теперь на значительномъ протяженіи тянется въ Кіевской губ.

[2]) Или.

[3]) Велесъ—богъ скота, изобилія и богатства.

[4]) Притокъ Днѣпра.

[5]) Трубчевскій князь; буй-туръ — ярый быкъ, украшающій эпитетъ героя.

дивъ [1]) кличеть върху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Вълзѣ и Поморію, и Посулію, и Сурожю, и Корсуню, и тебѣ, тьмутороканьскый блъванъ [2])! А Половьци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому: *кричать телѣгы полунощи, рьци — лебеди роспущени* [3]. Игорь къ Дону вои ведеть.... Уже-бо бѣды его пасеть птиць по дубію; вълци грозу въсрожать по яругамъ; орьли клекътомь на кости звѣри зовутъ; лисицы брешуть на чьреленыя щиты. О русьская земле! уже за шеломенемь [4]) еси.

Дълго ночь мьркнеть; заря свѣтъ запала; мьгла поля покрыла; щекотъ славіи усъпе; говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чьрлеными щиты прегородиша, ищючи себѣ чти, а князю славы.

III.

Съ заранія въ пятъкъ потопьташа поганыя пълки половецкыя и расушася стрѣлами по полю, помъчаша красьныя дѣвъкы половецкыя, а съ ними злато и паволокы и драгыя оксамиты; япончицами и кожюхи начаша мосты мостити по болотамъ и грязивымъ мѣстомъ

---

[1]) Миѳическій образъ, воплощеніе идеи этой судьбы.

[2]) Вълзѣ — дат. пад. Волгѣ. Поморіе и Посуліе — мѣста по морю и по р. Сулѣ, Сурожь — г. Судакъ, Корсуня — Херсонъ. Тьмутороканьскый блъванъ, — повидимому, истуканъ на берегахъ Азовского и Чернаго морей, завоеванныхъ половцами, поставившими тамъ идолъ.

[3]) Неясное мѣсто, переводимое наугадъ.

[4]) Шелома — холмъ.

и вьсякыми узорочьи половецкыми. Чьрленъ стягъ, бѣла хоруговь, чьрлена чолка, сребрено стружіе храброму Святъславличю! Дремлеть въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо [1]), далече залетѣло. Не было оно обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чьрный воронъ, поганый Половьчине! Гзакъ [2]) бѣжить сѣрымь вълкомь, Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому.

Другаго дьне вельми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдають; чьрныя туча съ моря идуть, хотять прикрыти 4 солньца [3]); а въ нихъ трепещють синіи мълніи: быти грому великому, ити дождю стрѣлами съ Дону великаго; ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручати о шеломы половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ [4]), у Дону великаго. О русьская земле! уже за шеломенемь еси.

Се вѣтри, Стрибожи [5]) внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя пълкы Игоревы. Земля тутьнеть, рѣкы мутьно текуть; пороси поля прикрывають, стязи глаголють; Половьци идуть отъ Дона и отъ моря, и отъ вьсѣхъ странъ, русьскыя пълкы отступиша. Дѣти бѣсови кликомь поля прегородиша, а храбріи Русичи пре-

---

[1]) Князья Сѣверскіе, Олеговичи, внуки и правнуки Олега Святославича.

[2]) Гзакъ (Гза) и Кончакъ — половецкіе ханы.

[3]) Четырехъ князей — участниковъ похода.

[4]) Рѣка Каяла, по мнѣнію однихъ, р. Кагальникъ, впадающій въ Донъ. По мнѣнію другихъ, это р. Донъ, символически названная Каялой-рѣкой, т. е. „Жаль-рѣкой“, отъ „каяти“ — считать несчастнымъ.

[5]) Богъ вѣтра.

градиша чьрлеными щиты. Ярь-туре Вьсеволоде! стоиши на борони, прищеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужьными: камо, туръ, поскочаше, своимь златымь шеломомь посвѣчивая, тамо лежать поганыя головы половецкыя! поскепани саблями калеными шеломи оварьстiи отъ тебѣ, ярь-туре Вьсеволоде! Кая раны дорога, братiе, забывъ чти и живота и града Чрънигова, отня злата стола, и своя милыя хоти, красной Глѣбовны, свычая и обычая [1]).

IV.

Были вѣци Трояни [2]), минула лѣта Ярославля; были пълци Ольговы [3]), Ольга Святъславлича: тъй бо Олегъ мечемь крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше, ступаеть въ златъ стремень [4]) въ градѣ Тьмутороканѣ. Тоже звонъ слыша давьный великый Ярославль сынъ Вьсеволодъ; а Владимиръ по вься утра уши закладаше въ Черниговѣ: Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе [5]), и на Каялину зелену паполому [6]) постла, за обиду Ольгову, храбра

---

[1]) Ольга Глѣбовна, жена Всеволода.

[2]) Вѣка Троянскихъ дѣянiй, повѣсти о которыхъ хорошо были извѣстны на византiйско-славянскомъ югѣ.

[3]) Вспоминается усобица Олега, дѣда Игорева, со Всеволодомъ, отцомъ Владимира Мономаха.

[4]) Готовится итти на войну. — По поводу пораженiя сѣверной дружины половцами, пѣвецъ вспоминаетъ о первомъ походѣ на половцевъ.

[5]) На судъ Божiй, т. е. на смерть.

[6]) Покрывало.

и млада князя. Съ тоя же Каялы Святъпълкъ повелѣ отца своего между Угорьскими иноходьцы ко Святѣй Софіи къ Кыеву. Тогда при Ользѣ Гориславличи [1]) сѣяшеться и растяшеть усобицами, погыбашеть жизнь Дажьбожа внука [2]), въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ сократишася. Тогда по русьской земли рѣдъко ратаеве кыкахуть, нъ часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уѣдіе. То было въ ты рати и въ ты пълкы, а сыцей рати не слышано.

Съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта летять стрѣлы каленыя, гримлють сабли о шеломы, трещать копіа харалужьная въ полѣ незнаемѣ среди земли половецкыя. Чьрна земля подъ копыты костьми посѣяна, а кровію польяна, — тугою възидоша по русьской земли.

Что ми шумить, что ми звенить далеча рано предъ зорями? Игорь пълкы заворочаеть: жаль бо ему мила брата Вьсеволода. Бишася день, бишася другый, третьяго дьне къ полудънію падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю русьскую. Ничеть трава жалощами, а древо съ тугою къ земли приклонися.

---

[1]) Олегъ Святославичъ названъ „Гориславичемъ“ потому что своими крамолами много „горя“ принесъ и себѣ, и всей русской землѣ.

[2]) Русскіе названы внуками Дажь-бога, бога солнца.

VI.

Уже бо, братіе, не веселая година въстала; уже пустыни силу прикрыла: въстала обида [1]) въ силахъ Дажьбожа внука, въступила дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крилы на синемь морѣ, у Дону плещючи, убуди жирьна времена. Усобица княземь на поганыя погыбе, рекоста бо братъ брату: „се мое, а то — мое же". И начаста князи про малое „се великое" мълвити, а сами на себѣ крамолу ковати; а поганіи съ въсѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю русьскую. О! далече заиде соколъ, птиць бья, — къ морю.

А Игорева храбраго пълку не кресити. За нимъ кликну Карина [2]), и Желя [3]) поскочи по русьской земли, смагу людемъ мычючи въ пламенѣ розѣ. Жены русьскыя въсплакашася, а ркучи: „Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію съмыслити, ни думою съдумати, ни очима съглядати, а злата и серебра ни мало того потрепати!"

А въстона бо, братіе, Кыевъ тугою, а Черниговъ напастьми; тоска разліяся по русьской земли: печаль жирьна утече среди земли русьскыя. А князи сами на себе крамолу коваху; а поганіи сами побѣдами нарищюще на русьскую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора [4]).

---

[1]) См. Дивъ.

[2]) Карина (отъ *карити* — оплакивать) — вопленница-плакальщица.

[3]) Желя—спутница Дѣвы-обиды, миѳическій образъ, вѣстница мертвыхъ, разметавшая погребальный пепелъ.

[4]) „Бѣла", *бѣль*, *бѣлки*, мелкая доля гривны серебра.

Тіи бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже Лжу убудиста, которую ту бяще успилъ отецъ ихъ. Святъславъ грозьный, великый кыевьскый грозою бяшеть: притрепалъ своими сильными пълкы и харалужьными мечи; наступи на землю половецкую; притопъта хълмы и яругы, взъмути рѣкы и озера, исуши потокы и болота; а поганаго Кобяка [1]) изъ луку моря [2]), отъ желѣзьныхъ великыхъ пълковъ половецкыхъ, яко вихрь вытръже. И падеся Кобякъ въ градѣ Кыевѣ, въ гридьници Святъславли.

Ту Нѣмьци и Венедици, ту Греци и Морава поють славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жиръ въдънѣ Каялы, рѣкы половецкыя. Русьскаго злата насыпаша ту. Игорь князь высѣде изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощеево: уныша бо градомъ забрала, а веселіе пониче.

VII.

А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ. „Въ Кыевѣ на горахъ, синочь, съ вечера одѣвасте мя, рече, чьрною паполомою на кровати тисовѣ; чьрпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено; сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ толковинъ, великый женьчюгъ на лоно, и нѣгують мя. Уже дъскы безъ кнѣса [3]) въ моемъ теремѣ златовърсѣмъ. Всью нощь съ вечера бусови врани

---

[1]) Половецкій ханъ, котораго Святославъ разбилъ и взялъ въ плѣнъ въ 1184 г.

[2]) Излучистый берегъ моря.

[3]) Перекладина на верху крыши.

възграяху, у Плѣсньска [1]) на болони бѣшя дебр кыяне же съыли къ синему морю". И рькош бояре князю: „Уже, княже, туга умъ полонил се бо два сокола слетѣста съ отьня стола злат поискати града Тьмутороканя, а любо испит шеломомь Дону; уже соколома крильца припѣ шали поганыхъ саблями, а самою опуташа въ пу тины желѣзьны". Темно бо бѣ въ 3 день: дв солньца помьркоста, оба багряная стълпа пога соста, а съ нима молодая мѣсяца. Олегъ и Святт славъ [2]) тьмою ся поволокоста и въ море пс грузиста; и великое буйство подаста хинові На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла; по русь ской земли простьрошася Половьци, акы пардуж гнѣздо. Уже снесеся худа на хвалу; уже тресн нужда на волю; уже връжеся дивъ на землю Се бо готьскыя красьныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю, звоня русьскымь златомъ [3]): поюті время Бусово, лелѣють месть Шароканю. А мі уже, дружина, жадьни веселія.

Тогда великый Святъславъ изрони злато слово, съ слезами смѣшено, и рече: „О моя сыновьца, Игорю и Всеволоде! рано еста начала половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славь искати; нъ нечестьно одолѣсте; нечестьно бо кровь поганую проліясте. Ваю [4]) храбрая сердьца въ

---

[1]) Городъ на Волыни, иначе Плесковъ.

[2]) Описка должно быть: Владиміръ.

[3]) Готы, жившіе по берегу Чернаго моря, въ Тмуторокани, въ половинѣ XI в., были покорены половцами; понятно, что побѣда, одержанная послѣдними, могла доставлять готскимъ дѣвамъ русское золото.

[4]) Род. п. двойств. ч.

жестоцѣмь харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли сътвористе моей сребренѣй сѣдинѣ“! А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и многовои брата моего Ярослава съ Черниговьскими былями, съ Могуты, и съ Татраны, и съ Шельбиры, и съ Топчакы, и съ Ревугы и съ Олбѣры; тіи бо безъ щитовъ съ засапожникы кликомъ пълкы побѣждають, звонячи въ прадѣднюю славу. Нъ рекосте: „Мужаимъся сами, преднюю славу сами похытимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ“.

А чи диво ся, братіе, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ [1]) бываеть, высоко пътиць възбиваеть, не дасть гнѣзда своего въ обиду. Нъ се зло княже — ми не пособіе: наниче ся годины обратиша; се у Римѣ кричать подъ саблями половецкими, а Володимиръ подъ ранами; туга и тоска и сыну Глѣбову.

VIII.

Великый княже Вьсеволоде [2]) не мыслію ти прилетѣти издалеча, отъня злата стола поблюсти: ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти; аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по рѣзанѣ. Ты бо можеши посуху живыми шереширы стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы.

---

[1]) Мыть — линяніе.

[2]) Кн. Всеволодъ Юрьевичъ Суздальскій († 1212), сынъ Юрія Долгорукаго, который сидѣлъ на кіевскомъ престолѣ.

Ты, буй Рюриче и Давыде [1])! не ваю злаченіи шеломи по крови плаваша? не в ли храбрая дружина рыкають, акы тури, ране саблями калеными на полѣ незнаемѣ? Въст ппта, господина, въ злата стремена за обиду се времене, за землю русьскую, за раны Игорев буего Святъславлича!

Галицкый Осмомысле Ярославе [2])! высо сѣдиши на своемь златокованѣмь столѣ, по перъ горы Угорьскыя своими желѣзьными пълк заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю в рота; меча бремена чресъ облакы, суды рядя Дуная. Грозы твоя по землямъ текуть; отворяеш Кыеву врата; стрѣляеши съ отьня злата ст ла салтаны за землями. Стрѣляй, господин Кончака, поганаго кощея, за землю русьску за раны Игоревы, буего Святъславлича!

А ты, буй Романе и Мьстиславе [3])! храбра мысль носить ваю умъ на дѣло: высоко пл ваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрѣх ширяяся, хотя птичю въ буйствѣ одолѣт Суть бо у ваю желѣзьныя паперси подъ ш ломы латиньскыми. Тѣми тресну земля и мн гы страны: Хинова, Литва, Ятвязи, Деремел и Половьци сулици [4]) своя повьргоша, а гл

---

[1]) Дѣти Ростислава, сына Мстислава Владимір вича Великаго.

[2]) Ярославъ Осмомыслъ († 1187), сынъ Владимір Володаревича, тесть Игорю Святославичу, господствовал отъ Карпатскихъ горъ до устья Серети и Прута.

[3]) Романъ Мстиславовичъ Волынскій († 1205). Мст славъ Романовичъ — въ 1184 г. первый ударилъ на п ловцевъ и многихъ изъ нихъ плѣнилъ.

[4]) Острыя копія.

ı своя поклониша подъ тыя мечи хара-
ᵲжьныя.

Нъ уже, княже Игорю, утърпѣ солньцю
ѣтъ, а древо не бологомь листвіе срони: по,
ьси и по Сулѣ грады подѣлиша, а Игорева хра-
аго пълку не креситп. Донъ ти, княже, кличеть
зоветь князи на побѣду.

Ольговичи, храбріи князи, доспѣли на брань.
ıъгварь и Вьсеволодъ и вьси три Мьсти-
авличи [1]) не худа гнѣзда шестокрильци, не по-
дьными жребіи собѣ власти расхытисте. Кое [2])
ши златіи шеломи и сулици ляцкыя и щити?
городите полю ворота своими острыми стрѣ-
ми на землю русьскую, за раны Игоревы
его Святъславлича!

IX.

Уже бо Сула не течеть сребреными стру-
и къ граду Переяславлю, и Двина болотомь
четь онымъ грозьнымъ Полочаномъ подъ кли-
мь поганыхъ. Единъ же Изяславъ, сынъ Ва-
льковъ [3]), позвони своими острыми мечи о ше-
мы литовьскыя, притрепа славу дѣду своему
сеславу, а самъ подъ чьрлеными щиты на

---

[1]) Ингварь, Всеволодъ и Мстиславъ, сыновья Яро-
ıва Луцкаго, которые были изъ рода Мономаха и здѣсь
званы по дѣду своему, Мстиславу вел., Мстиславичами.
и героя-орла, а у каждаго орла по два крыла; отсюда
іазваны они шести-крильци.

[2]) Что-же.

[3]) Изяславъ Васильковичъ Полоцкій, правнукъ Все-
ва, былъ убитъ литовцами въ 1183 г.

кровавѣ травѣ притрепанъ литовьскыми м
и схотию на кровать и рекъ: „Дружину ті
княже, пътици крилы пріодѣша, а звѣри кр
полизаша“. Не бысть ту брата Брячислава,
другаго Всеволода: единъ же изрони жс
чюжьну душю изъ храбра тѣла, чресъ зл
ожереліе. Уныли голоси, пониче веселіе, тр
трубять городеньскыя. [1]) Ярославе и вьси вн
Вьсеславли! уже понизите стягы своя, в
зите своя мечи вережены; уже бо выскочі
изъ дѣдьней славы. Вы бо своими крамол
начасте наводити поганыя на землю русьсі
на жизнь Вьсеславлю, которую по бѣше нас
отъ земли Половецкыи.

На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже В
славъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тъй н
ками подпръся о кони и скочи къ граду Кы
дотчеся стружіемъ злата стола Кыевьсн
Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъ
изъ Бѣлаграда, обѣсисяситѣ мьглѣ; утр
вонзи стрикусы, отъвори врата Новуграду,
бише славу Ярославу, скочи вълкомъ до
миги съ Дудутокъ [2]).

На Немизѣ [3]) снопы стелють головами,
лотять цѣпы харалужьными, на тоцѣ жи
кладуть, вѣють душю отъ тѣла. Немизѣ
вави брези не бологомь [4]) бяхуть посѣяни,—
сѣяни костьми русьскыхъ сыновъ.

---

[1]) Городно, гдѣ княжилъ Изяславъ, нахо
въ пинскомъ уѣздѣ, минской губ.

[2]) Мѣстечко близъ Новгорода.

[3]) Немига впадаетъ въ Свислочь, въ минской

[4]) Не добромъ, т. е. не хлѣбомъ.

Вьсеславъ князь людемъ судяше, княземь ды рядяше, а самъ въ ночь вълкомь рыска- [1]): изъ Кыева дорыскаше, до куръ, Тьмуто- аня; великому Хърсови [2]) вълкомь путь пре- скаше. Тому въ Полотьстѣ позвониша за- енюю рано у святыя Софеи, а онъ въ Кыевѣ нъ слышаше. Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣ, нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщій инъ и пьрвое припѣвъку смысленый рече: хытру, ни горазду, ни птичю горазду, су- Божія не минути“.

О! стонати русьской земли, помянувъши вую годину и пьрвыхъ князей! Того ста- о Владимира не льзѣ бѣ пригвоздити къ го- ъ кыевьскымъ; сего бо нынѣ сташа стязы иковы, а друзіи Давидовы; въ рози нося хоботы пашуть [3]).

X.

Копіа поють на Дунаи. Ярославнинъ [4]) съ слышить; зегзицею незнаема рано кычеть: лечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бе- нъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утьру князю кро- ыя его раны на жестоцѣмь его тѣлѣ“. Яро- вна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ,

---

1) Всеславъ представляется здѣсь въ видѣ оборотня, Волхъ Всеславичъ въ былинахъ.
2) Богу солнца.
3) Темное мѣсто.
4) Евфросинія, дочь Ярослава Осмомысла Владими- на Галицкаго, 1184 г., вторая супруга Игоря.

а рькучи: „О вѣтре, вѣтрило! чему, господине насильно вѣеши? Чему мычеши хыновьскы стрѣлькы на своею нетрудьною крильцо н моея лади вои? Мало ли ти бяшеть горѣ под облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ Чему, господине, мое веселіе по ковылію раз вѣя?“ Ярославна рано плачеть Путивлю город на забралѣ, а рькучи: „О Днѣпре Словутичю![1] ты пробилъ еси каменьныя горы[2]) сквозѣ землю половецкую; ты лелѣялъ еси на себѣ Свят славли насады до пълку Кобякова: възлелѣй господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не сълал къ нему слезъ на море рано“. Ярославна ран плачеть въ Путивлѣ на забралѣ, а рькучи „Свѣтлое и тресвѣтлое сълньце! вьсѣмъ тепл и красьно еси: чему, господине, простьре го рячюю свою лучю на лады вои? въ полѣ без водьнѣ жаждею имъ лукы съпряже, тугою имъ тулы затъче?

XI.

Прысну море полунощи; идуть сморч мьглами. Игореви князю Богъ путь кажеть из земли половецькой на землю русьскую къ отьн злату столу. Погасоша вечеру зари. Игор съпить, Игорь бъдить, Игорь мыслію поля мѣрит отъ великаго Дону до малаго Доньца. Комон

---

¹) Словутой, отъ словутый, пресловутый — славны
²) Пороги.

въ полуночи Овлуръ [1]) свисну за рѣкою, велить князю разумѣти. Князю Игорю не быть. Стукну земля, въшумѣ трава, вежи ся половецькыя подвизшаго. А Игорь князь поскочи горностаемь къ тростію и бѣлымь гоголемь на воду; въвържеся на бързъ комонь и скочи съ него босымъ вълкомь, и потече къ лугу Донца, а полетѣ соколомь подъ мьглами, избивая гуси и лебеди завтроку и обѣду и ужинѣ. Коли Игорь соколомь полетѣ, тогда Овлуръ вълкомь потече, труся собою студеную росу: претъргоста бо своя бързая комоня.

Донець рече: „Княже Игорю, не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а русьской земли веселія“. Игорь рече: „О Доньче! не мало ти величія, лелѣявъшю князя на вълнахъ, стьлавъшю ему зелену траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавъшю его теплыми мьглами подъ сѣнію зелену древу: стрежаше его гоголемь на водѣ, чайцами на струяхъ, чьрнядьми на вѣтрѣхъ“.— Не тако-ли, рече, рѣка Стугна [2]) худу струя имѣя, пожръши чужи ручьи и струги ростре на кусту, уношу князю Ростиславу затвори Днѣпрь темнѣ березѣ. Плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ; уныша цвѣты жалобою и древо съ тугою къ земли преклонилось“.

А не сороки въстроскоташа: на слѣду Игоревѣ ѣздить Гзакъ съ Кончакомь. Тогда врани

---

[1]) Половчанинъ, устроившій побѣгъ.

[2]) Впадаетъ въ Днѣпръ, повыше Триполя. Здѣсь изображенъ ея разливъ, 1093 г., когда утонулъ въ ней переяславскій князь Ростиславъ Всеволодовичъ, меньшой братъ Мономаха.

не граяхуть, галици помълкоша, сорокы не тр скоташа, полозію ползоша толко, дятьлове тек томь путь къ рѣцѣ кажуть, соловіи веселы пѣсньми свѣтъ повѣдають. Мълвить Гзакъ Ко чакови: „Аже соколъ къ гнѣзду летить, сок лича рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлам Рече Кончакъ ко Гзѣ: „Аже соколъ къ гнѣз летить, а вѣ сокольца опутаевѣ красьною д вицею“. И рече Гзакъ къ Кончакови: „Аще е опутаевѣ красьною дѣвицею, ни нама буде сокольца, ни намо красьны дѣвице, то почну наю пътици бити въ полѣ половецькомъ“.

XII.

Рекъ Боянъ и гордынѣ Святъславлѣ пѣс творецъ а стараго времени Ярославля, Ольго „Когане [1])! хотя и тяжько ти, головѣ, кро плечю, зѣло ти, тѣлу, кромѣ гольвы“, — ру ской земли безъ Игоря. Солньце свѣтится небеси, Игорь князь въ русьской земли. Дѣви поють на Дунаи, вьються голоси чресъ море Кыева: Игорь ѣдеть по Боричеву къ свят Богородици Пирогощей [2]); страны ради, гра весели.

---

[1]) „Коганъ“ — прилаг. отъ коганъ — князь.

[2]) Церковь была заложена въ 1131 г. Мстислав Великимъ. Въ ней находилась икона Божьей Матери, санная по преданію евангелистомъ Лукой и привезен купцомъ Пирогощею изъ Константинополя.

Пѣвъши пѣснь старымъ княземъ, а потомъ
›лодымъ пѣти: „Слава Игорю Святъславличю,
‹й-туру Вьсеволоду, Владимиру Игоревичю;
рави князи и дружина, побарая за христьяны
, поганыя пълкы! Княземъ слава и дружинѣ“.
минь.

Переводъ на современный русскій языкъ.

I.

Не хорошо ли намъ было бы, братья, чать старыми словами печальную повѣсть о ходѣ Игоря, Игоря Святославича! А начать той пѣсни — по былямъ сего времени, не замышленію боянову. Вѣщій Боянъ, если хотѣ кому пѣснь складать, то растекался мыслью дереву, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ ломъ подъ облаками. Вспоминалъ онъ сказа прежнихъ временъ объ усобицѣ; пускалъ о тогда десять соколовъ на стадо лебедей: та бедь, на которую соколъ налеталъ, пер и пѣснь зачинала — старому Ярославу, (и храброму Мстиславу, что зарѣзалъ Редедю редъ полками косожскими, (или) красному ману Святославичу. Боянъ же, братья, не сять соколовъ на стадо лебедей пускалъ — свои вѣщіе персты на живыя струны воскладал и онѣ сами славу князьямъ рокотали.

Почнемъ же, братья, повѣсть сію отъ ста-
аго Владимира до нынѣшняго Игоря, который
калилъ умъ своею крѣпостью и поострилъ его
ужествомъ сердца: исполнившись ратнаго духа,
авелъ свои храбрые полки на землю русскую.

II.

Тогда Игорь взглянулъ на свѣтлое солнце
увидѣлъ, что отъ солнца тьмою покрыто все его
йско. И сказалъ Игорь дружинѣ своей:
Братья и дружина! Лучше изрублену быть,
ѣмъ быть полонену. Сядемъ же, братья, на сво-
съ борзыхъ коней, да посмотримъ синяго Дону“!
апала въ умъ князя охота, отвѣдать великаго
ону, и тоска пересилила въ немъ знаменье неба.
Хочу — говоритъ — копье изломить, въ концѣ
оля половецкаго! Съ вами, русскіе, хочу голо-
у свою положить, или шлемомъ напиться изъ
она!“ О Боянъ, соловей стараго времени! Если
ы ты воспѣлъ сіи полки, скача, соловей, по мы-
ненному древу, взлетая умомъ подъ облака
спускаясь, о соловей, по обѣ стороны сего
ремени [1]) рыща по Трояновой тропѣ черезъ
оля на горы—вотъ какъ слѣдовало тебѣ бы пѣть
ѣснь Игорю, Олега внуку: „Не буря занесла со-
ловъ черезъ поля широкія: галки стаями летятъ
ъ Дону великому! Или такъ было воспѣть тебѣ,
ѣщій Боянъ, внукъ Велесовъ: „Кони ржутъ за

[1]) Прошедшаго и настоящаго.

Сулою; звенитъ слава въ Кіевѣ; трубы трубят въ Новгородѣ [1]).

Стоятъ стяги въ Путивлѣ. Игорь ждет милаго брата Всеволода. И говоритъ ему буй туръ Всеволодъ; „Одинъ мнѣ братъ, одинъ свѣт свѣтлый ты Игорь! Оба мы Святославичи! Сѣд лай-же, братъ, своихъ борзыхъ коней, и мо тебѣ готовы, осѣдланы еще у Курска! Мои-т куряне извѣстные витязи: подъ трубами спо виты, подъ шлемами взлелѣяны, концомъ копь вскормлены; дороги имъ вѣдомы. овраги им знакомы; луки у нихъ натянуты, колчаны открыт сабли наточены; сами-же они скачутъ, какъ сѣ рые волки въ полѣ, ища себѣ чести, а княз славы!“

Тогда вступилъ Игорь князь въ золото стремя и поѣхалъ по чисту полю. Солнце ем тьмою путь заступило; а ночь ему, грозой за стонавъ птицъ разбудила, свистъ звѣрей их въ стаи согналъ. Дивъ кричитъ поверхъ дер ва, велитъ слушать чужой землѣ — Волгѣ и П морью, и Посулью, и Сурожу, и Корсуню, и теб истуканъ Тмутороканскій.... И половцы небо тыми дорогами побѣжали къ Дону велико кричатъ телѣги ихъ о полуночи, словно лебе разлетѣвшіеся.... Игорь къ Дону войско веде И уже его погибель готова накормить птиц по дубамъ; волки грозой грозятъ по оврагам орлы своимъ клектомъ [2]) зовутъ звѣрей на косл

---

[1]) Сѣверный, удѣльный городъ Игоря.

[2]) Крикомъ.

лисицы лаютъ на багряные щиты. О русская земля! ты уже за холмомъ!...

Долго меркнетъ ночь; заря-свѣтъ задержалась; мгла поля покрыла; соловьиный рокотъ утихъ: галочій говоръ проснулся. Храбрые русичи загородили широкія поля багряными щитами, ища себѣ чести, а князю славы.

III.

Съ утра въ пятницу они потоптали поганые полки половецкіе и, разсыпавшись стрѣлами по полю, помчали красныхъ дѣвицъ половецкихъ, а съ ними золото и парчи, и дорогіе оксамиты [1]); плащами, епанчами, тулупами и всякими расписными тканями половецкими, стали мосты мостить по болотамъ и грязнымъ мѣстамъ. А багряный стягъ, бѣлая хоругвь, багряная челка, серебряное копье — храброму Святославичу. Дремлетъ въ полѣ Олегово храброе гнѣздо. Далеко залетѣло.... Не на обиду было рождено оно—ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, черный воронъ, поганый половчанинъ! Бѣжитъ сѣрымъ волкомъ Гза; а Кончакъ ему во слѣдъ направляется къ великому Дону.

На другой день, ранымъ-рано, кровавая заря свѣтъ возвѣщаетъ. Черныя тучи съ моря идутъ, хотятъ онѣ покрыть четыре солнца; а въ тучахъ дрожатъ синія молніи: быть грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго!

---

[1]) Бархатная парча.

Здѣсь-то копьямъ изломаться, здѣсь-то сабля изрубиться о шлемы половецкіе, на рѣкѣ Каял у великаго Дону! О русская земля! ты у за холмомъ!...

Вотъ вѣтры, внуки Стрибога, вѣютъ у стрѣлами съ моря на храбрые полки Игоре Гудетъ земля; мутно текутъ рѣки; стелет пыль надъ полями; лепечутъ знамена. Полов идутъ отъ Дона и отъ моря, и со всѣхъ сторо они обступили русскіе полки. Бѣсовы дѣти к комъ загородили поля; а храбрые русичи загоро ли багряными щитами. Яръ-туръ Всеволодъ! с ишь ты на полѣ брани, прищешь стрѣлами на в жеское войско; гремишь объ шлемы мечами латными. Куда проскакалъ туръ, посвѣчивая с имъ золотымъ шлемомъ, тамъ лежатъ поган головы половецкія, тамъ исщепаны калеными с лями шлемы оварскіе — отъ тебя, яръ-туръ Все лодъ. Какая рана дорога, братья, позабывшему чести и жизнь, и городъ Черниговъ, и золот отцовскій престолъ, и своей милой, желанн красной Глѣбовны, привѣтъ и обычай!

IV.

Были вѣка Трояновы, миновали годы Я славовы; были войны Олеговы, Олега Святос вича: тотъ Олегъ мечемъ крамолу ковалъ и ст лы по землѣ сѣялъ. Когда вступалъ онъ въ зо тое стремя, въ городѣ Тмуторокани, — а т звонъ давній слышалъ великій Ярославовъ сы

еволодъ; Владимиръ [1]) же повседневно затылъ уши въ въ Черниговѣ. Бориса же Вячеавича слава привела на смертный судъ и на леную печальную лужайку положила она, обиду Олегову, храбраго и молодого князя. той же Каялы и Ярополкъ велѣлъ взять ца своего межъ угорскихъ иноходцевъ, къ свяй Софіи, въ Кіевъ. Тогда, при Олегѣ Гориавичѣ, и сѣялись и росли усобицы; погибала ізнь Даждьбожа внука; въ княжихъ крамолахъ къ людей коротался. Тогда по русской землѣ дко взывали пахари; за то часто кричали воны, дѣля между собою трупы, и поднимали ой говоръ галки, сбираясь летѣть на покормку. къ было въ тѣ битвы и въ походы, а такой твы еще не слыхано.

V.

Съ утра до вечера, съ вечера до свѣта тятъ стрѣлы каленыя, гремятъ сабли о шлемы, ещатъ копья булатныя, въ полѣ чужомъ, еди земли половецкой. Черна земля подъ котами костьми была засѣяна, а полита кровью,— чалью взошелъ посѣвъ этотъ по русской землѣ.

Что тамъ шумитъ, что тамъ звенитъ такъ но, передъ зарею?.... То Игорь полки вороэтъ: жаль вѣдь ему милаго брата Всеволода. лись день, бились другой; на третій день полудню — пали стяги Игоревы. Тамъ, на эегу быстрой Каялы, разлучились два брата;

---

[1]) Мономахъ.

тамъ вина кроваваго не достало. Тамъ пок
чили пиръ храбрые русичи: сватовъ напои
а сами легли за землю русскую. Никнетъ тр
отъ жалости, и дерево съ печалью къ зем
приклонилось.

VI.

И вотъ, братья, уже невеселая година
стала; уже нашу силу степь покрыла. В
стала обида въ силахъ Дажбогова внука; вс
пила дѣвою на землю Троянову; всплескала
бедиными крылами на синемъ морѣ и плещу
у Дону, пробудила память богатыхъ време
Но усобица князей — гибель имъ отъ поганы
Сказали они братъ брату: „это мое, и то мое-я
Начали князья про малое говорить: „это велик
и сами на себя стали крамолу ковать. А по
ные со всѣхъ сторонъ набѣгали съ побѣда
на землю русскую. О, далеко залетѣлъ на
соколъ [1]), гоня птицъ къ морю!

А Игорева храбраго войска уже не воск
сить! За нимъ раздался вопль Карины, и Ж
понеслась по русской землѣ, разнося людя
погребальный пепелъ въ пылающемъ ро
И всплакались русскія жены, причитаючи: „У
намъ своихъ милыхъ мужей ни мыслью вз
слить, ни думою вздумать, ни очами увидѣ
а того золота и серебра и подавно не накап
вать намъ“!

---

[1]) Кн. Игорь.

Застоналъ, братья, Кіевъ съ печали, а Чер-
говъ съ напасти; разлилась тоска по русской
длѣ; печаль глубокая течетъ среди земли рус-
ой. А князья сами на себя крамолу ковали; и по-
дые половцы, набѣгая съ побѣдами на русскую
млю, брали дань по бѣлкѣ со двора. Тѣ два
абрые Святославличи, Игорь и Всеволодъ,
ять разбудили неправду, которую только что
ыпилъ-было отецъ ихъ, Святославъ, грозный,
ликій князь кіевскій: онъ былъ, какъ гроза;
згромилъ своими сильными полками и сталь-
ми мечами; наступилъ на землю половецкую,
итопталъ холмы и овраги; возмутилъ рѣки
озера; изсушилъ потоки и болота, а поганаго
бяка, изъ лукоморья, отъ желѣзныхъ вели-
хъ полковъ половецкихъ, какъ вихрь, онъ
хватилъ. И палъ Кобякъ въ городѣ Кіевѣ,
дворцѣ Святославомъ.

Тутъ нѣмцы и венеціанцы, тутъ греки и мо-
ы поютъ славу Святославу, корятъ князя
оря, что потопилъ онъ богатство на днѣ
лы, половецкой рѣки, насыпавъ русскаго зо-
а. Тамъ Игорь князь пересѣлъ изъ золо-
о сѣдла — въ сѣдло плѣнника. Уныніе забра-
ь въ города, и поникло веселье.

VII.

А Святославъ видѣлъ смутный сонъ: „въ
вѣ на горахъ, въ эту ночь съ вечера, гово-
ъ онъ боярамъ, одѣвали меня чернымъ покро-
ъ на тисовой кровати; черпали мнѣ синее вино,

съ отравою смѣшанное; сыпали мнѣ на гр
крупный жемчугъ порожними тулами поган
половцевъ и ласкали меня. А доски уже б
князька на моемъ теремѣ златоверхомъ. И
ночь съ вечера каркали сѣродымчатые воро
у Плѣнска во рву были дебри; Кіяне же со
уже къ синю морю". И говорятъ бояре кня
„Уже, князь, печаль нашъ умъ полонила... То
сокола [1]) слетѣли съ отцовскаго золотого прес
ла поискать города Тмутороканя, или шлемо
напиться изъ Дону. И уже саблями поганы
подрублены крылья соколамъ: а ихъ самихъ
опутали въ путы желѣзные. Темно было въ т
тій день: померкли два солнца, погасли
багряные столба; а съ ними и два молоды
мѣсяца — Олегъ и Святославъ — заволокли
тьмою; и потонули они въ морѣ, и ве
кую дерзость придали хану. На рѣкѣ на Кая
уже тьма свѣтъ заступила; и по русской зем
простерлись половцы, какъ барсово гнѣз
Уже вознеслась хула надъ хвалой; уже раз
зилось насилье надъ волей: уже низвергся Ди
на землю. Вотъ запѣли готскія красныя дѣ
на берегу синяго моря, звеня русскимъ зо
томъ; поютъ онѣ время Бусово, лелѣютъ мес
Шароканову... [2]) А мы, твоя дружина, уже чуж
веселья"!

Тогда великій Святославъ изронилъ зо
тое слово, орошенное слезами, и сказалъ о
„О сыны мои, Игорь и Всеволодъ! Рано вы ста

---

1) Игорь и Всеволодъ.
2) Бусъ и Шароканъ, половецкіе ханы.

ловецкую землю мечами крушить, а себѣ вы искать... Да, не съ честью вы одолѣли, не съ честью пролили кровь поганыхъ! ши храбрыя сердца въ крѣпкомъ булатѣ заканы и закалены въ смѣлости; но что же вы ѣяли моей серебряной сѣдинѣ; Уже не вижу ласти сильнаго и богатаго брата моего Ярова, и его многочисленнаго войска, съ черниѕскими бойцами — съ могутами, и съ татраи, и съ шельбирами, и съ топчаками, и съ утами, и ольберами... [1]) Они (бывало) безъ овъ, съ одними ножами, крикомъ полки подаютъ, звеня славою прадѣдовъ. А вы зали себѣ: мужаемся одни! одни возьмемъ дстоящую славу, одни подѣлимся славою жней!"

О диво-ли, братія, и старому помолодѣть! да соколъ линяетъ, высоко онъ взбивал птицъ: не дастъ своего гнѣзда въ обиду! то горе, что князья мнѣ ужъ не въ помочь; мена ни во что обратились! Вотъ въ гороРимовѣ кричатъ подъ саблями половецкими, димиръ князь подъ ранами; скорбь и тоска у Глѣбову!

VIII.

Великій князь Всеволодъ! отчего тебѣ не прить мыслію издалека, чтобъ отцовскій золо-

---

[1]) Названіе племенъ, входившихъ въ составъ дру- Ярослава Черниговскаго.

той престолъ поблюсти. Ты можешь Волгу весл
разбрызгать, а Донъ вычерпать шлемами! Есл
ты былъ здѣсь — была бы плѣнница по ногат
и плѣнникъ по рѣзани... [2]) Ты можешь и
суху стрѣлять живыми самострѣлами — уда
ми сынами Глѣба.

Ты, смѣлый Рюрикъ и Давидъ! Не вы
золочеными шлемами въ крови плавали? Не
ша ли храбрая дружина рыкаетъ, какъ ту
раненые калеными саблями, въ полѣ нез
момъ?... Вступите же, государи, въ золотыя с
мена, за обиду сего времени, за землю русск
за раны Игоря, смѣлаго Святославича!

Галицкій князь Осмомыслъ-Ярославъ!
соко ты сидишь на своемъ златокованномъ
столѣ; ты подперъ горы Угорскія [3]) своими
лѣзными полками — заступивъ путь корол
затворивъ ворота Дунаю, метая громадами ч
облака, суды рядя до Дуная... Грозы твои тек
по землямъ; отворяешь ты ворота Кіеву; съ
цовскаго золотого престола стрѣляешь су
новъ за землями.. Стрѣляй же, государь,
чака, поганаго раба, за землю русскую, за р
Игоря, храбраго Святославича!

А ты, отважный Романъ и Мстиславъ! Х
рая мысльноситъ умъ вашъ на дѣло. Выс
вы плаваете на дѣло въ отвагѣ, какъ сок
ширяясь на вѣтрахъ и стремясь въ ярости
лѣть птицу... У васъ желѣзные нагрудники п

---

[1]) Мелкая монета.
[2]) Мелкая монета.
[3]) Карпаты.
[4]) Венгерскому.

мами латинскими! Отъ нихъ уже дрогнула
ля и многія страны: Ханскія, Литва, Ятвяги [1]),
емела [2]) и Половцы побросали свои копья
клонили свои головы подъ тѣ мечи булатные.
Но вотъ уже, князь Игорь, слабѣетъ свѣтъ
ица, и деревья не къ добру листья сронили.
Руси, по Сулѣ [3]) — враги города подѣлили.
горева храбраго войска уже не воскресить!...
ь кличетъ тебя, князь, и зоветъ всѣхъ кня-
на побѣду.
Храбрые князья Ольговичи готовы на брань!...
нгварь и Всеволодъ, и всѣ три Мстиславича!
удого гнѣзда соколы-шестокрыльцы! Не жре-
ь побѣдъ себѣ власть вы стяжали! Гдѣ-же
і золотые шлемы, и ляшскія копья, и баг-
ле щиты? Загородите полю ворота своими
ыми стрѣлами — за землю русскую, за раны
я, храбраго Святославича!

IX.

Уже Сула не бѣжитъ серебряными струями
роду Переяславу; уже Двина болотомъ те-
къ тѣмъ грознымъ полочанамъ, подъ кри-
поганыхъ. Одинъ только Изяславъ, сынъ
иьковъ, позвонилъ своими острыми мечами,
шлемы литовскіе; перебилъ онъ славу у дѣ-
воего Всеслава, а самъ, подъ багряными
ми, на кровавой травѣ, пораженъ литовски-

) Жители Подлѣсья.
) Латышское племя.
) Притокъ Днѣпра.

ми мечами, и схватилъ онъ ее (ту славу)
смертный свой одръ и молвилъ: „Дружину тво
князь, птицы крыламп покрыли, а звѣри кро
полизали!“ Не было тамъ (съ Изяславомъ)
Брячислава, ни другого Всеволода; одинъ о
изронилъ жемчужную душу изъ храбраго тѣ
сквозь золотое ожерелье. Пріуныли пѣсни; пон
кло веселье; трубятъ трубы городенскія.

О, Ярославъ и всѣ внуки Всеслава! Опусти
же свои знамена. Вложите свои мечи поврежде
ные! Уже вы отплыли отъ дѣдовской слав
Вы-то своими крамолами стали наводить по
ныхъ (литовцевъ) на землю русскую, на облас
Всеслава. Черезъ свары князей пришло насил
и отъ земли половецкой.

На седьмомъ вѣкѣ Трояновомъ, броси
жребій Всеславъ о дѣвѣ ему милой. Сжалъ о
бедрами коня, поскакалъ къ городу Кіеву и ко
нулся копьемъ золотого престола кіевскаго. И
нулся онъ лютымъ звѣремъ о полуночи отъ ни
изъ Бѣлграда; повисъ въ синей мглѣ... А наут
вонзилъ шпорами коня, отворилъ ворота Нова
рода (Великаго); расшибъ славу Ярославову, и
мчался волкомъ на Немигу въ Дудутокъ.

На Немигѣ—рѣкѣ не снопы стелютъ — го
вы; молотятъ цѣпами булатными; на току кладу
жизнь, вѣютъ душу отъ тѣла. Кровавые бер
Немиги не зерномъ были засѣяны, засѣяны бы
костьми русскихъ сыновъ.

Всеславъ князь людямъ суды судилъ, к
зьямъ города рядилъ; а самъ волкомъ рыска
въ ночи; изъ Кіева онъ еще до пѣтуховъ дор
кивалъ къ Тмутороканю; великому Хорсу в

ъ путь перерыскивалъ [1]). Ему звонили рано колокола къ заутренѣ въ Полоцкѣ у св. Софіи, нъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ! Хоть и вѣщая па въ храбромъ тѣлѣ, но часто терпѣлъ бѣды. -то вѣщій Боянъ и прежде разумно прикy сказалъ: „Ни хитрому, ни быстрому, будь птицы быстрѣй, не миновать суда Божія!"

О, стонать русской землѣ, вспоминая прежвремя и прежнихъ князей! Того стараго Влаира нельзя было пригвоздить къ городамъ зскимъ! Его знамена уже стали — одни рюриы, другія давидовы, но врозь развѣваютъ мена ихъ [2]).

X.

Копья свистятъ на Дунаѣ. И слышенъ гоъ Ярославнинъ. Одинокою кукушкой взываетъ съ утра: „Полечу, говоритъ, кукушкою по аю! [3]) омочу бобровый рукавъ въ Каялѣ-рѣутру князю кровавыя его раны на могучемъ тѣлѣ". Ярославна плачетъ съ утра въ Пуѣ на стѣнѣ, приговаривая: „О вѣтеръ, вѣ! Зачѣмъ, господинъ мой, такъ сильно вѣ Зачѣмъ ты, на своихъ легкихъ крыльяхъ, нь ханскія стрѣлы на войско моего милаго? -ль тебѣ было въ вышинѣ подъ облаками ъ, лелѣючи корабли на синемъ морѣ. Зачѣмъ

---

[1]) Поспѣвалъ до солнечнаго восхода.
[2]) Фраза въ переводѣ Я. Малашева.
[3]) Дунай — вм. Донъ. Въ народной поэзіи Дунай поэтическое названіе всякой рѣки.

же, господинъ мой, мое веселье ты по ков
развѣялъ?“ Ярославна плачетъ съ утра въ
тивлѣ-городѣ на стѣнѣ, приговаривая: „О сл
ный Днѣпръ! Ты пробилъ себѣ каменныя г
черезъ землю половецкую: ты лелѣялъ на с
Святославовы лады, до войска Кобякова: в
лѣй же, господинъ мой, моего мужа ко м
чтобы не слать мнѣ къ нему слезъ на ст
съ утра!“ Ярославна плачетъ съ утра въ Пу
лѣ на стѣнѣ, приговаривая: „Свѣтлое, о прес
лое солнце! Для всѣхъ ты тепло и красно. Зач
же, господинъ мой, простерло ты свой гор
лучъ на воиновъ моего мужа?... Въ полѣ без
номъ жаждою имъ луки свело, печалью имъ т
замкнуло!...“

XI.

Хлынуло море на полночь; идутъ сто
туманные. Игорю князю Богъ кажетъ путь
земли половецкой въ землю русскую, къ от
скому золотому престолу. Погасла вечерняя з
Игорь спитъ... Игорь бодрствуетъ; Игорь мыс
поля мѣритъ отъ великаго Дона до малаго До
Готовъ конь о полуночи... Свистнулъ Овлур
рѣкою; велитъ разумѣть князю... Князя И
уже нѣтъ! Воскликнулъ — загудѣла земля;
шумѣла трава; всполошились шатры половец
А Игорь князь поскакалъ горностаемъ къ тр
нику и поплылъ бѣлымъ гоголемъ по водѣ.
нулся на борзаго коня, соскочилъ съ нег
сымъ волкомъ, помчался къ лугу Донца

ѣлъ соколомъ въ туманѣ, бьючи гусей и ле-
ей на обѣдъ, на завтракъ и на ужинъ. Когда
рь соколомъ летѣлъ, тогда Овлуръ мчался
комъ, отряхивая собою студеную росу: надор-
и они своихъ борзыхъ коней.

И говоритъ рѣка Донецъ: „О, князь Игорь!
мало тебѣ величія, а Кончаку нелюбія, а рус-
й землѣ веселія!“ Игорь говоритъ: „О Донецъ!
мало величія тебѣ, что лелѣялъ ты князя
волнахъ своихъ; что ты стлалъ ему зеленую
ву на своихъ серебряныхъ берегахъ; одѣвалъ
теплыми туманами, подъ сѣнью зеленаго де-
а; стерегъ его гоголемъ на водѣ, чайками на
уяхъ, чернядями на вѣтрахъ... Не такова гово-
ъ — рѣка Стугна. Имѣя тощую струю, погло-
ши чужіе ручьи, она прорыла потоки въ ку-
къ, и юношу князя Ростислава затворила при
ныхъ берегахъ днѣпровскихъ. И плачется
тиславова мать по своемъ юномъ князѣ Ро-
славѣ. Уныли цвѣты отъ жалости, а деревья
печалью къ землѣ наклонились.

То не сороки застрекотали: то Гза съ Кон-
омъ ѣдутъ по слѣду Игореву. Тогда вороны
каркали, галки умолкли, сороки не стрекота-
— только ползали ползуны [1]). Дятлы своимъ
омъ указываютъ путь къ рѣкѣ; соловьи ве-
ми пѣснями свѣтъ возвѣщаютъ. И говоритъ
Кончаку: „Когда соколъ летитъ къ гнѣзду,
соколенка мы разстрѣляемъ своими золоче-
и стрѣлами!“ Отвѣчаетъ Гзѣ Кончакъ: „Ког-
соколъ летитъ къ гнѣзду, то соколенка мы

———

[1]) Птицы изъ породы дятловъ.

опутаемъ красною дѣвицею“! И говоритъ Кончаку: „Когда мы опутаемъ его красною вицею — не будетъ у насъ ни соколенка, ни сной дѣвицы, и почнутъ насъ тогда бить п въ полѣ половецкомъ“.

XII.

Сказалъ Боянъ о годинѣ Святославов онъ же пѣснотворецъ стараго времени — славова, Олегова: „Когане! хоть и тяжко го без плечъ, но плохо и тѣлу безъ головы!“ и русской землѣ — безъ Игоря. Свѣтитъ со на небѣ; Игорь князь — въ русской землѣ. П дѣвы на Дунаѣ; несутся пѣсни чрезъ мор Кіева. Ѣдетъ Игорь по Боричеву-ввозу [1]), къ той Богородицѣ Пирогощей. Рады всѣ стр веселы города.

Пѣли пѣснь старымъ князьямъ, а по молодымъ пѣть станемъ: „Слава Игорю Св славичу, буй-туру Всеволоду, Владиміру Иг вичу! Да здравствуютъ князья и дружина, рая за христіанъ на полчища невѣрныхъ! С князьямъ и дружинѣ!“ Аминь.

---

[1]) Главная дорога отъ пристани на Днѣпрѣ въ К

Разборъ поэмы.

1. Ея происхожденіе и содержаніе.

Сложенное въ XII вѣкѣ въ народномъ духѣ, Слово о полку Игоревѣ“ представляетъ уже юдъ *личнаго* творчества и принадлежитъ, очеидно, человѣку съ громаднымъ поэтическимъ нрованіемъ.

Личное творчество въ ту эпоху, по всѣмъ ѣроятіямъ, было уже весьма распространеннымъ вленіемъ и стояло на очень высокой ступени азвитія. Такъ, пѣвецъ разбираемаго произведея съ чувствомъ благоговѣнія вспоминаетъ своего редшественника Бояна, который воспѣвалъ Яроиава, брата его Мстислава Тмутороканскаго Романа Святославича (1079 г.). Будучи самъ эликій поэтъ, авторъ „Слова“ преклоняется передъ силой поэтической фантазіи Бояна, передъ озмахомъ и мощью его творчества свободнаго, акъ стихія.

Во вступленіи Слова пѣвецъ такъ характеизуетъ „старыя словеса“ или пѣснотворчество

Бояна: „Вѣщій Боянъ, если хотѣлъ кому пѣс складать, то растекался мыслью по дереву, с рымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ по облаками“. Затѣмъ буря вдохновенія разражала „Пускалъ онъ тогда десять соколовъ на ста лебедей: та лебедь, на которую соколъ налетал первая и пѣснь зачинала...“

Вліяніе Бояна на молодое поколѣніе пѣвцо было огромно. Несмотря на категорическое рѣш ніе автора „Слова“ быть совершенно самосто тельнымъ въ манерѣ своего творчества, имени держаться ближе фактической стороны сюже не увлекаясь поэтическими отступленіями, ка Боянъ, — онъ уже на первой страницѣ сво поэмы измѣняетъ своему намѣренію: характер стика творчества Бояна и представляетъ вдохн венное отступленіе лирическаго свойства.

Вліяніе Бояна сильно чувствуется во мн гихъ мѣстахъ поэмы.

Пѣвецъ „Слова“ любитъ быстрые и неож данные переходы. Онъ рисуетъ Игоря съ е дружиной и хочетъ перейти къ характеристик Всеволода, — передъ нами второе лирическое о ступленіе, о Боянѣ: „О, Боянъ, соловей стара времени: еслибѣ ты воспѣлъ сіи полки, скач соловей, по мысленному дереву“ и т. д. А затѣм новая картина „Стоятъ стяги въ Путивлѣ! Игор ждетъ милаго брата Всеволода. И говоритъ ем буй-туръ Всеволодъ...“

И въ послѣдней картинѣ поэмы пѣвец приводитъ поэтическое изреченіе Бояна.

Сюжетомъ „Слова“ послужило подлинное
[…]орическое событіе: неудачный походъ, пред-
[…]инятый въ 1185 г. на половцевъ четырьмя сѣ-
[…]скими князьями: Игоремъ Святославичемъ (нов-
[…]одъ-сѣверскимъ), Всеволодомъ Святослави-
[…]мъ (трубческимъ), Святославомъ Ольговичемъ
[…]льскимъ, племянникомъ Игоря и Всеволода,
[В]ладимиромъ Игоревичемъ путивльскимъ, сы-
[…]мъ Игоря Святославича.

За годъ до того состоялся побѣдоносный по-
[…]ъ противъ половцевъ, организованный вели-
[…]мъ княземъ Святославомъ Всеволодовичемъ,
[…]омъ Игоря и Всеволода. Послѣдніе въ похо-
участія не принимали, а въ слѣдующемъ году
собственный рискъ пошли противъ половцевъ,
[…]азали себѣ: мужаемся одни! одни подѣлимся
[…]вой прежней!“

„Слово“ начинается *вступленіемъ,* о которомъ
уже говорили выше.

Затѣмъ слѣдуютъ *четыре* главныя *картины,*
[…]совокупности своей составляющія всю поэму.

Первая картина. Предъ нами Игорь Святосла-
[…]ъ, иниціаторъ похода. Мы видимъ личныя
[…]ты его характера: умъ, безстрашіе, жажду
[…]зы.

Солнечное затменіе — дурное предзнамено-
[…]е для Игоря. Но Игорь не изъ тѣхъ, которые
[…]зываются отъ разъ предпринятаго дѣла. „За-
[…] въ умъ князя охота, и тоска отвѣдать ве-

ликаго Дону пересилила въ немъ знаменье не(
— „Хочу голову свою положить или шлемо(
напиться Дону!“ — говоритъ онъ.

Въ Путивлѣ Игорь встрѣчается съ брато
Всеволодъ въ вдохновенныхъ выраженіяхъ
рактеризуетъ свою курскую дружину: „Мо
куряне извѣстные витязи“ и т. д.

Отправляются въ походъ. Вся природа по
зловѣщихъ предзнаменованій. Но „Игорь къ Д
войско ведетъ“. Съ утра въ пятницу проис
дитъ первое столкновеніе съ половцами. „По
ные полки“ разбиты. Русскіе гонятъ половце
захватываютъ красныхъ дѣвицъ, „а съ ними
лото и парчи“.

На другой день надвигаются главныя си
половецкія, что тучи черныя, „и отъ моря и
всѣхъ сторонъ онѣ обступили русскіе полк

Какъ львы сражаются русскіе. Но числ
ное превосходство на сторонѣ враговъ. Пѣв
дѣлаетъ глубокой грустью проникнутое отст
леніе, приводитъ историческую справку (гл.
о княжескихъ усобицахъ, которыми Русь обяз
была Олегу „Гориславичу“, и отъ которыхъ б
но страдала.

„Бились день, бились другой; на третій д
къ полудню пали стяги Игоревы“.

„Никнетъ трава отъ жалости“. Поражe
сѣверскихъ князей пробудило воспоминанія „о
гатыхъ временахъ“. Счастлива, велика была
гда-то Русь, „но усобица князей — гибель
отъ поганыхъ“.

И разлилась печаль по русской землѣ.

Жалко Игоря, но всѣ—русскіе и иностра

коряютъ его, „что потопилъ онъ богатство на нѣ Каялы“, и славу поютъ Святославу, побѣдителю половцевъ.

Всеволодъ палъ на полѣ брани, а Игоря оловцы взяли въ плѣнъ.

Вторая картина. Предъ нами образъ великаго нязя Святослава кіевскаго, носителя идеи единтва земли русской, громителя половцевъ, славы гордости Руси.

Святославъ видѣлъ зловѣщій сонъ, „въ Кіеѣ, на горахъ, въ эту ночь“. И всю ночь съ вечера аркали сѣродымчатые вороны.

Бояре растолковываютъ князю этотъ сонъ: Это два сокола слетѣли съ отцовскаго золотого рестола поискать города Тмутороканя или шлеомъ напиться изъ Дону. И уже саблями погаыхъ подрублены крылья соколамъ“.

„Тогда великій Святославъ изронилъ золоое слово, орошенное слезами“. Въ этомъ словѣ - горькій упрекъ сыновьямъ, безразсудно пуившимся въ рискованное предпріятіе: на свой ичный рискъ взявшимся за дѣло общегосударвеннаго и общенаціональнаго значенія. Сила уси въ единствѣ. Во времена Ярослава полки *уикомъ* побѣждали враговъ, звеня славою праѣдовъ. А Игорь и Всеволодъ, какъ дѣти, скали себѣ: „Мужаемся *одни*!“

Старый князь спѣшитъ на помощь полоненому сыну. Онъ говоритъ: „О диво ли, братья, старому помолодѣть! Когда соколъ перелиетъ, высоко онъ взбиваетъ птицъ: не дастъ оего гнѣзда въ обиду!“ И жалуется: „Да то

горе, что князья мнѣ ужъ не въ помочь: времена ни во что обратились!...“

И Святославъ взываетъ ко всѣмъ русскимъ князьямъ, приглашая ихъ вступиться „за землю русскую, за раны Игоревы“.

Въ этомъ воззваніи перечисляются всѣ выдающіеся русскіе князья того времени, и дается краткая, но мѣткая характеристика каждаго изъ нихъ.

Эти характеристики — перлы поэтическаго творчества.

Третья картина изображаетъ предъ нами жену Игоря, Ярославну, которая тоскуетъ въ Путивлѣ по миломъ „ладѣ“ и цѣлые дни проводитъ на городской стѣнѣ, изливая свою скорбь въ трогательныхъ жалобахъ. Ей хотѣлось бы полетѣть кукушкою по рѣкѣ и бобровымъ рукавомъ обмыть князю кровавыя раны. Она упрекаетъ вѣтеръ за то, что онъ „мчалъ ханскіе стрѣлы на войско ея милаго“, умоляетъ Днѣпръ „взлелѣять ея мужа къ ней“ и жалуется на солнце, которое „для всѣхъ тепло и красно“, а воиновъ ея мужа „жжетъ горячимъ лучомъ въ полѣ безводномъ...“

Четвертая картина рисуетъ бѣгство Игоря изъ плѣна.

Половчанинъ Овлуръ приготовилъ коня за рѣкою. Игорь бѣжалъ съ наступленіемъ ночи. Половецкая погоня не могла ихъ настигнуть. Вся Русь ликовала, когда Игорь прибылъ въ Кіевъ.

2. Личность автора „Слова“.

Имя автора этого замѣчательнаго поэтиче-
каго произведенія осталось неизвѣстнымъ, не-
мотря на всѣ изысканія ученыхъ. Однако,
думываясь въ содержаніе и въ тонъ „Слова“,
ы можемъ составить себѣ довольно опре-
ѣленное понятіе о томъ, кто былъ его пѣ-
ецъ. „Слово“ — прозведеніе въ высшей степени
убъективное, проникнутое глубокимъ лиризмомъ,
личность автора ясно отражается въ немъ.

Пѣвецъ, какъ лицо свѣтское.

Уже первый взглядъ на тонъ и содержаніе
Слова“ позволяетъ намъ опредѣлить обществен-
ое положеніе неизвѣстнаго автора. Пѣвецъ без-
словно *лицо свѣтское.* На это указываетъ от-
утствіе религіознаго элемента въ его прозве-
еніи. Еслибъ авторъ „Слова“ былъ лицомъ ду-
овнымъ — священникомъ или монахомъ — это
есомнѣнно отразилось бы и на языкѣ его поэмы.
зложеніе поэмы было бы пересыпано цитатами изъ
вященнаго Писанія и изъ христіанскихъ молитвъ,
вообще во всемъ тонѣ слышалось бы рели-
озное настроеніе автора. Даже идея „Слова“
взглядъ автора на историческія событія были
ы другіе, — можно полагать, такіе же, какъ
въ лѣтописи Нестора, который волю Господа
итаетъ единственнымъ двигателемъ исторіи,
во всякомъ историческомъ событіи видитъ вмѣ-
ательство Провидѣнія въ человѣческую жизнь.

Во всякомъ случаѣ въ поэмѣ былъ бы не-
мыслимъ тотъ языческій элементъ, которым
она проникнута отъ первой строки до послѣд-
ней. Въ богатствѣ языческихъ образовъ заклю-
чается вся поэтическая сила и вся оригиналь-
ность „Слова о полку Игоревѣ", но именно эт
образы и дѣлаютъ „Слово" произведеніемъ свѣт-
скимъ и авторомъ его могло быть тоже тольк
свѣтское лицо.

Пѣвецъ, какъ дружинникъ.

Само содержаніе „Слова" даетъ возможност
еще ближе опредѣлить общественное положені
его автора. Пѣвецъ „Слова о полку Игоревѣ"
по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ *дружинникъ* и близк
стоялъ къ княжескимъ сферамъ. Онъ обнаружи-
ваетъ близкое знакомство съ княжеской родо-
словной и съ княжескими отношеніями. Онъ так
живо рисуетъ образы князей Игоря и Всеволод
Святославичей и великаго князя Святослава, чт
получается такое впечатлѣніе, что пѣвецъ, дол-
жно быть, зналъ ихъ лично.

Пѣвецъ прекрасно понималъ политическо
положеніе современной ему Руси. Походъ Игор
и всѣ его битвы изображены имъ такъ ярко, чт
можно съ увѣренностью сказать, что онъ самъ
принималъ въ нихъ участіе. Наконецъ, та любовь
съ какой пѣвецъ говоритъ о дружинной жизни
та нѣжность, съ какой онъ рисуетъ теплыя отно-
шенія князя и дружины; та восторженност
съ какой онъ говоритъ о храбрыхъ курянахъ

примѣръ, — тоже свидѣтельствуетъ о томъ, пѣвецъ „Слова“ былъ дружинникъ.

Но не только объ *общественномъ* положеніи ора „Слова“ мы можемъ составить себѣ поіе по содержанію „Слова“, — и объ *умственъ и нравственномъ* развитіи его мы можемъ ить по его прекрасной поэмѣ.

Пѣвецъ, какъ лицо грамотное.

Итакъ, — пѣвецъ „Слова“ не могъ не быть овѣкомъ *грамотнымъ*. Идея поэмы и отношеніе ора къ лицамъ и событіямъ обнаруживаютъ немъ блестящее умственное развитіе.

Эти идеи были еще новы въ эпоху, когда лъ поэтъ, и даже весьма немногіе князья еще никлись ими тогда. Если же пѣвецъ такъ ю проповѣдывалъ эти идеи, то само собою умѣется, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ витыхъ людей своего времени, и, какъ тако, не могъ не быть грамотнымъ, тѣмъ болѣе, общественное его положеніе говоритъ въ польтого, что онъ былъ грамотенъ. Если уже при славѣ Мудромъ, т. е. въ первой половинѣ столѣтія, жители городовъ обязаны были поать своихъ дѣтей въ школы, то тѣмъ болѣе ающійся дружинникъ XII вѣка не могъ не ть грамоты.

Пѣвецъ — христіанинъ

Вопросъ о религіи, къ которой принадлеъ авторъ „Слова“, долгое время былъ споръ въ литературѣ, хотя всѣ данныя говорятъ

за то, что пѣвецъ былъ *христіанинъ*. Если е
Владимиръ Святой объявилъ, что будетъ счита
своимъ личнымъ врагомъ каждаго русскаго,
торый не приметъ христіанства, то немысли
было бы, чтобы дружинникъ и притомъ так
развитый человѣкъ, въ XII вѣкѣ былъ язы
никомъ.

Мы въ „Словѣ“ даже встрѣчаемъ нѣскол
ко выраженій, которыя могли выйти только и
устъ христіанина. Пѣвецъ на всемъ протяжен
своего произведенія называетъ половцевъ „п
гаными“, а „поганый“ — оскорбительный эпите
язычника. Наоборотъ, Богородицу Пирогощ
пѣвецъ называетъ святою. Наконецъ, заключ
тельныя строки поэмы ярко свидѣтельствую
о христіанствѣ пѣвца:

— „Здрави князи и дружина, *побораяза хр
стіаны* на поганыя полки!“ — восклицаетъ п
вецъ, описывая возвращеніе Игоря изъ плѣ
и радость, охватившую по этому поводу всю Ру

То же, что поэзія „Слова“ проникнута ка
бы языческимъ духомъ, нисколько не може
служить доказательствомъ того, что авторъ бы
якобы язычникомъ. Языческій элементъ съ о
ной стороны — отраженіе глубокаго чувства кр
сотъ природы, которымъ проникнута вдохнове
ная душа такого поэта; а съ другой стороны
это одно изъ психологическихъ и техническ
средствъ, которыми пѣвецъ воспользовался д
усиленія художественной стороны своего пр
изведенія. Народныя суевѣрія и языческіе об
зы вообще представляютъ благодарный матеріа
для романтической поэзіи, а „Слово о пол

Игоревѣ", по существу своему, произведенiе романтическое.

Вотъ кто былъ авторъ „Слова о полку Игоревѣ".

Изъ всего сказаннаго ясно, что это былъ человѣкъ въ высшей степени выдающiйся, на цѣлое столѣтiе, можно сказать, опередившiй свою эпоху и бывшiй представителемъ лучшихъ народныхъ идей, только назрѣвавшихъ въ то время.

Характеристика автора „Слова о полку Игоревѣ“.

Отъ XII столѣтія до насъ дошелъ един-ственный сохранившійся памятникъ дружиннаг эпоса—высоко-поэтическое произведеніе—„Слов о полку Игоревѣ“. Языкъ „Слова“—древне-ру скій. Многія мѣста въ немъ темны и непонятн для насъ. Содержаніе „Слова“—разсказъ учас ника о несчастномъ походѣ Новгородъ-Сѣве скаго князя Игоря на половцевъ. Встрѣтившис въ первый разъ съ половцами, русскіе князь побѣждаютъ половцевъ, но при второй встрѣч въ битвѣ при Каялѣ они были разбиты на гол ву, а князь Игорь даже взятъ въ плѣнъ. Въ „Сл вѣ“ подробно повѣствуется о походѣ, при чем главную причину пораженія авторъ видитъ в междоусобныхъ войнахъ и разрозненности удѣл ныхъ князей и горячо призываетъ и убѣждает ихъ объединиться для борьбы съ общимъ врагом Авторъ „Слова о полку Игоревѣ“ намъ не изв стенъ, но по тѣмъ подробностямъ и деталям съ какими описывается походъ, не трудно дог

даться, что онъ былъ пѣвецъ въ дружинѣ Игоря. Не зная только имени составителя „Слова“, можно получить полное и вѣрное представленіе о немъ по тѣмъ чертамъ, въ какихъ онъ сказался въ своемъ твореніи. Мы уже выше дѣлали предположеніе, что авторъ „Слова“ былъ современникомъ и участникомъ похода. Читая внимательно его произведеніе, мы убѣждаемся еще болѣе въ достовѣрности этого предположенія. Онъ, напримѣръ, говоритъ: „начатися же той пѣсни по былинамъ *сего времени*, а не по замышленію Бояню“.—„Почьнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимира до *нынѣшняго* Игоря“ и т. д. Вѣрность и реальность красокъ, которыми описывается походъ и природа той мѣстности, гдѣ происходили битвы, знаніе, наконецъ, мельчайшихъ подробностей и деталей, сопровождавшихъ событія, не упоминаемыхъ совершенно въ лѣтописяхъ—все говоритъ о томъ же, т. е. объ участіи поэта въ походѣ. Каждая фраза „Слова“, проникнутая глубокимъ сочувствіемъ побѣжденнымъ, высказываетъ горячее участіе къ повѣствуемому, которое вызываетъ въ немъ различныя чувства: то чувство досады и злости, то чувство печали, тоски и унынія. „Дивъ кличеть верху древа и велить послушати землѣ незнаемѣ... тебѣ, тьмутороканьскый блъванъ!“ или „о стонати русьской земли, помянувъши пьрвую годину и пьрвыхъ князей!“. Глубоко проникнутый чувствомъ патріотизма, онъ обращается къ современнымъ князьямъ съ призывомъ вступиться за землю Русскую, за раны Игоревы. Онъ негодуетъ на рознь въ княжескихъ родахъ и съ чувствомъ

глубокаго горя рисуетъ времена перваго и вто рого междоусобія, ослабившія Русь. Онъ призы ваетъ далѣе къ единству, къ миру и любви и со гласію всѣхъ князей между собой и съ любовы останавливается на братской дружбѣ Игор и Всеволода. Какъ пламенный патріотъ, онъ глу боко скорбитъ о постигшемъ и постигающем Русь несчастіи и не жалѣетъ мрачныхъ красок для изображенія печальныхъ послѣдствій межд усобій и неповиновенія младшихъ князей стар шимъ. Какъ человѣкъ прогрессивный, передовоі онъ видитъ спасеніе родины отъ иноплеменных хищниковъ только въ самодержавіи и поэтом жалѣетъ о старомъ единовластіи царствовані Владимира.

Таковъ приблизительно авторъ „Слова о по ку Игоревѣ". Нечего говорить, конечно, о том что характеристика наша далеко не полна и вс сторонняя, но и то незначительное, которое уд лось добыть на основаніи „Слова", показывает что и въ то время были люди—истинные патрі ты, которые сознавали, въ чемъ корень зла и п сильно съ нимъ боролись. Намъ не трудно б детъ рѣшить, почему поэтъ выбралъ темой свое пѣсни этотъ неудачный походъ. Ему нужно был вразумить русскихъ князей, забывшихъ за ме кими личными интересами пользу общаго от чества, соединить князей противъ половцев что высказывалось въ самомъ заключеніи „Сл ва": „здрави князи и дружина, побарая за хр стьяны на поганые пълки", а потому нужно бы наглядно показать, къ какимъ результатамъ пр водитъ такая политика князей.

Идея „Слова о полку Игоревѣ“ и отношеніе автора къ лицамъ и событіямъ.

„Слово о полку Игоревѣ“ настоящій перлъ усской литературы. Его художественныя досто-нства замѣчательны по своей поэтической глу-инѣ. Будучи все соткано изъ чистѣйшей поэзіи, Слово“ вмѣстѣ съ тѣмъ является произведе-іемъ *идейнымъ*, имѣвшимъ для своего времени ромадный общественный интересъ. Пѣвецъ Слова“ былъ горячій и сознательный патріотъ, еловѣкъ мыслящій и передовой, и всю силу сво-го поэтическаго дарованія онъ направилъ на опросъ обще-національнаго значенія. Въ пре-расной поэтической формѣ онъ разработалъ освѣтилъ политическій вопросъ, имѣвшій для го времени жгучій интересъ.

Свое отношеніе къ этому вопросу авторъ разилъ въ основной идеѣ своей поэмы. Эта ея органически проникаетъ все произведеніе, ляясь его основной канвой.

Идея „Слова“ весьма глубока и красива. вецъ „Слова“ проникнутъ вдохновенной любо-о къ родному народу. Онъ чуждъ узкаго про-нціальнаго патріотизма. Его взглядъ охваты-тъ *всю* русскую замлю. Его сердце обнимаетъ русскій народъ. Идея единства русской зем-и русскаго народа красной нитью проходитъ резъ всю поэму. Авторъ „Слова“ восхищается учими силами русской натуры. Онъ вѣритъ творческій геній русскаго народа, и ему хо-ось бы видѣть Русь свободной и великой, но

современная политическая дѣйствительность наводила его на весьма тяжелыя размышленія Русская земля была крайне раздроблена, а удѣльные князья постоянно враждовали между собою, не сознавая общности національныхъ интересовъ и преслѣдуя только свои эгоистическіе интересы. Княжескія междоусобицы ослабляли Россію, которая, несмотря на свои природныя силы, дѣлалась легкою добычей своихъ враговъ.— „Но усобица князей — гибель имъ отъ поганыхъ“, — какъ выражается пѣвецъ „Слова“: — „Сказали они братъ брату: „это мое и то мое же!“ Начали князья про малое говорить: „это великое,“ и сами на себя стали крамолу ковать. А поганые со всѣхъ сторонъ набѣгали съ побѣдами на землю русскую“.

Идея эта весьма ярко и художественно развита въ „Словѣ о полку Игоревѣ“. Пѣвецъ примѣнилъ весьма глубокій пріемъ для болѣе выпуклаго доказательства своей идеи. Это пріемъ контраста. Съ одной стороны авторъ показываетъ намъ всѣ положительныя стороны русскаго народнаго характера, рисуетъ цѣлый рядъ отрадныхъ картинъ изъ русской жизни, возбуждая въ читателѣ чувства любви и вѣры; а съ другой стороны — показываетъ, какъ все, что есть хорошаго въ современной ему русской жизни, разбивается объ одинъ крупный недостатокъ ея, объ отсутствіе національнаго единства.

Игорь и Всеволодъ Святославичи собрались въ походъ противъ половцевъ, „запала въ умъ этихъ князей охота отвѣдать великаго Дону“.— Сказалъ Игорь Святославичъ: „Хочу копье изл

ить въ концѣ поля половецкаго, съ вами русскіе! Хочу голову положить, или шлемомъ напиться Дону“. — И, казалось бы, побѣда уже витаетъ надъ головами воинственныхъ братьевъ. Игорь закалилъ умъ свой крѣпостью, поострилъ его мужествомъ сердца, наполняся ратнаго духа“. Знаменія небесныя предвѣщаютъ ему недоброе, но Игорь не любитъ отказываться отъ разъ задуманнаго. Военная тоска пересилила въ немъ знаменія неба. Буй-туръ Всеволодъ — достойный братъ Игоря. — „Храбрый Святославичъ“ — вотъ постоянный эпитетъ, которымъ пѣвецъ „Слова“ награждаетъ Всеволода.

Дружина подъ стать князю. — „Куряне — извѣстные витязи: подъ трубами повиты, подъ шлемами взлелѣяны, концомъ копья вскормлены; дороги имъ вѣдомы; овраги имъ знакомы; луки у нихъ натянуты, тулы открыты, сабли наточены; сами же они скачутъ, какъ сѣрые волки, ища себѣ чести, а князю славы“. — Въ битвѣ князь съ дружиной обнаруживаютъ чудеса храбрости, но побѣда все-таки на сторонѣ половцевъ, которые подавляютъ русскихъ *своей многочисленностью.*

Носителемъ идеи автора въ „Словѣ“ является отецъ Игоря и Всеволода, великій князь кіевскій Святославъ, который сознаетъ, что недостаточно одного мужества для побѣды надъ врагомъ, и что легкомысленно пускаться въ рискованныя предпріятія, не накопивши достаточно силъ. Святославъ говоритъ, мысленно обращаясь къ своимъ плѣннымъ сыновьямъ: „Рано вы стали половецкую землю мечами крушить, а себѣ тамъ славы искать... Ваши храбрыя сердца въ крѣп-

комъ булатѣ закованы и закалены въ смѣлости, но что же вы содѣяли моей серебряной сѣдинѣ?!.. Вы сказали себѣ: мужаемся *одни, одни* возьмемъ настоящую славу, одни подѣлимся славою прежней". Святославъ сознаетъ, что несчастіе, постигшее Игоря и Всеволода, является общимъ національнымъ русскимъ горемъ, и зоветъ всѣхъ удѣльныхъ князей вступиться „за обиду сего времени, за землю русскую, за раны Игоря, смѣлаго Святославича".

Но авторъ не ограничивается объективнымъ развитіемъ своей идеи. Это страстная натура, всю кровь сердца своего переливающая въ свое произведеніе. „Слово о полку Игоревѣ"—произведеніе въ высшей степени субъективное, проникнутое самымъ глубокимъ лиризмомъ. Авторъ самъ вмѣшивается въ ходъ описываемыхъ событій, самъ принимаетъ въ нихъ участіе, окрашивая всѣ картины своимъ собственнымъ чувствомъ, каждое слово въ поэмѣ — крикъ восторга или боли. Авторъ съ глубокимъ нравственнымъ наслажденіемъ любуется мощью своихъ героевъ и съ самой искренней печалью говоритъ о плѣнѣ Игоря и Всеволода. Національной гордостью звучатъ его слова, когда онъ перечисляетъ всѣхъ современныхъ ему русскихъ князей: Рюрика, Давида, Осмомысла, Ярослава и т. д. Каждый изъ нихъ великъ, всѣ они свѣтлы и красивы.

Но, говоря о бѣдствіяхъ Россіи отъ половецкихъ набѣговъ, авторъ „Слова" уже не можетъ сдержать слезъ, ручьемъ текущихъ изъ его глазъ: „Разлилась тоска по русской землѣ, печаль глубокая течетъ среди земли русской", — и тогда

ѣвецъ мѣняетъ свой тонъ по отношенію къ князямъ. Преклоняясь передъ мудрымъ Святосламъ, громителемъ половцевъ, онъ съ горькимъ рекомъ говоритъ объ его сыновьяхъ: „Тѣ два абрые Святославичи, Игорь и Всеволодъ, опять збудили неправду, которую только что усыпилъ ло отецъ ихъ Святославъ, грозный, великій язь Кіевскій: онъ былъ какъ гроза, разгромилъ оими сильными полками и стальными мечами млю половецкую“.

Но глубже всего лиризмъ пѣвца въ его исаніяхъ.

Описаніе несчастныхъ битвъ русскихъ съ Повцами проникнуто великимъ горемъ, которое вствуется въ каждой строкѣ этого описанія. строеніе автора такъ сильно, что сообщается ке описываемой имъ природѣ, которая такъ же, къ и онъ, сочувствуетъ русскимъ. — „Цвѣты отъ отъ жалости, а деревья съ печалью къ земнаклоняются“. Зато солнечной радостью прокнуты картины, описывающія возвращеніе Игоизъ плѣна.

Такое удачное соединеніе серьезной идеи, бокаго лиризма и прекрасной поэтической ормы – рѣдкое явленіе въ литературѣ. И недаъ открытіе „Слова“ вызвало такой шумъ русскомъ обществѣ и такой интересъ въ иноанной критикѣ.

Художественная сторона „Слова о полку Игоревѣ"

„Слово о полку Игоревѣ" принадлежит къ числу самыхъ замѣчательныхъ произведені русской литературы. Это перлъ поэзіи, носящі на себѣ печать генія, и европейская критик справедливо ставитъ „Слово" рядомъ съ знаме нитыми поэмами романтической поэзіи, рядом съ пѣсней о Сидѣ, съ пѣснями Оссіана и т.

Уже при первомъ взглядѣ на „Слово" по ражаетъ его художественная стройность, как литературнаго цѣлаго. Отъ первой строки до по слѣдней, все содержаніе „Слова" тѣсно спаян единствомъ основной идеи, которая, какъ канв всего произведенія, объединяетъ всѣ его красот въ одно художественное цѣлое. Идея „Слова прекрасно выражена въ слѣдующихъ словах пѣвца: „Но усобица князей — гибель имъ отъ по ганыхъ. Сказали они братъ брату: „это мое и т мое же!" Начали князья про малое говорить: „эт великое", и сами на себя стали крамолу коват А поганые со всѣхъ сторонъ набѣгали съ побѣ дами на землю русскую"...

Пѣвецъ сознавалъ значеніе единства русско земли и русскаго народа. Онъ вѣрилъ въ бога тыя силы родного народа и считалъ, что тольк раздробленіе Руси и княжескія усобицы мѣша ютъ его развитію и росту. И вся поэма являетс блестящей иллюстраціей этой идеи. Можно был бы прослѣдить все произведеніе и доказать, чт отъ начала до конца въ немъ нѣтъ ни одног мѣста, ни одной строки, которая была бы лишней

ъ точки зрѣнія основной идеи. Рисуя въ восторенныхъ выраженіяхъ мужество умнаго Игоря буй-тура Всеволода и замѣчательныя качества ихъ дружинъ, пѣвецъ какъ бы хочетъ сказать: Вотъ какова русская натура. Дайте же ей возожность проявить себя на благодарной почвѣ“.

Въ бояхъ съ половцами князья, участники полку Игорева“, проявляютъ чудеса храбрости, о напрасно: они слишкомъ слабы въ сравненіи ъ врагомъ, такъ какъ дѣйствуютъ на собственый страхъ, безъ помощи другихъ князей.

Разсказъ о снѣ Святослава, и вообще сцена ъ великокняжескомъ дворцѣ могла бы показатьвставнымъ эпизодомъ, не связаннымъ съ осльнымъ содержаніемъ „Слова“, но и эта сцена рганически связана съ идеей всего произведенія вставлена пѣвцомъ сознательно. Святославъ ляется въ „Словѣ“ непосредственнымъ предавителемъ идеи самого пѣвца, и послѣдній заавляетъ его „изронить золотое слово, орошенное езами“, которое служитъ яркимъ подтвержденмъ взглядовъ самого пѣвца: „Ваши храбрыя рдца въ крѣпкомъ булатѣ закованы и закалеи въ смѣлости, но что же вы содѣяли моей сребряной сѣдинѣ... Они (предки) безъ щитовъ, одними ножами, крикомъ побѣждаютъ (благоря своей сплоченности), звеня славою прадѣвъ. А вы сказали себѣ: мужаемся одни! Одни зьмемъ настоящую славу, одни подѣлимся слао прежней“...

Даже „плачъ Ярославны“ не вставной эпицъ. Въ этомъ плачѣ рисуется идеальный образъ сской женщины. Народъ, у котораго такія

женщины, — какъ бы говоритъ пѣвецъ — до
стоинъ великой участи.

Художественная стройность „Слова“, ко
нечно, является огромнымъ его достоинствомъ
свидѣтельствующимъ о врожденномъ поэтичес
комъ чутьѣ и вѣрности руки автора, но ещ
рельефнѣе выступаетъ вся сила поэтическая талан
та пѣвца „Слова о полку Игоревѣ“ при болѣе под
робномъ анализѣ внутреннихъ элементовъ поэмы
Нельзя не удивляться той замѣчательной силѣ
той оригинальности и той красотѣ, съ какой пѣ
вецъ рисуетъ лица и событія. Однимъ каким
нибудь мѣткимъ словомъ, однимъ какимъ-нибуд
своеобразнымъ оборотомъ рѣчи пѣвецъ выпукл
и ярко изображаетъ ту или другую черту харак
тера, тотъ или иной моментъ событія. Будуч
скупъ на слова, онъ даетъ сжатыя характери
стики и описанія, но въ нихъ столько движенія
столько жизни, что диву даешься. Образецъ ху
дожественной характеристики мы находимъ въ
изображеніи курянъ: „Куряне — извѣстные витя
зи: подъ трубами повиты и т. д.“

Описанія битвъ въ „Словѣ“ также очень ко
ротки, но изумительно картинны и живы. Въ двухъ
трехъ строчкахъ, двумя-тремя мазками кисти
пѣвецъ запечатлѣваетъ типичныя черты боя
Эти черты онъ облекаетъ въ оригинальныя фор
мы, подчеркивающія ихъ содержаніе, и ужас
битвы горячо дышитъ въ этихъ описаніяхъ. Раз
бой сравнивается *съ пиромъ*:

—„Бились день, бились другой, а на третій
день къ полудню пали стязи Игоревы. Тутъ бра
тья разлучились на берегу быстрой Каялы: тут

ровавого вина не хватило; тутъ пиръ докончили рабрые русскіе; сватовъ напоили, а сами полегли ı землю русскую“...

Другой разъ — *съ молотьбой хлѣба:*

„На Немизѣ снопы стелютъ головами, молоıтъ цѣпами харалужными, на току жизнь клаутъ, вѣютъ душу отъ тѣла“. —

И весь ужасающій кошмаръ смерти на поѣ битвы чувствуется въ этихъ несравненныхъ фразахъ.

Но въ чемъ заключается самая нѣжная краıта „Слова“ — такъ это чувство русской приıды. Именно — *чувство,* такъ какъ душа пѣвца ея срослась съ красотою одной страны, и кажıая фраза его поэмы окрашена колоритомъ русюй природы. Странно было бы говорить объ писаніяхъ“ природы въ „Словѣ“, такъ какъ я поэма представляетъ непрерывный рядъ быро смѣняющихся картинъ природы, изъ котоıхъ многія цѣликомъ вмѣщаются въ одной глуко поэтической фразѣ. Весь походъ Игоря, всѣ твы, словомъ, всѣ дѣйствія, описываемыя „Словѣ“, происходятъ въ южно-русской степи. › другой стороны авторъ „Слова“ весь проникıтъ языческимъ пантеизмомъ. Онъ какъ бы виıтъ во всей природѣ проявленіе божества. Онъ ивляетъ ее, олицетворяетъ ее. У него природа инимаетъ участіе во всѣхъ людскихъ предіятіяхъ, и поэтому вполнѣ естественно, что ıсаніе „полку Игорева“ переплетается у него впечатлѣніями природы.

Какъ замѣчательно, напримѣръ, описаніе ıи передъ битвой Игоря съ Половцами:

— „Тогда вступилъ Игорь-князь въ золот
стремя и поѣхалъ по чистому полю. Солнце е
тьмою путь заступило; ночь разбудила птиц
которыхъ сконъ былъ полонъ грозы: дичь кр
чить на верхушкѣ дерева, велитъ послуша
въ сторону земли неизвѣстной, въ сторону Вол
и Поморья и т. д.“

Или описаніе бѣгства Игоря изъ плѣна:

—„Погасоша вечеру зари. Игорь спить, Иго
бдить, Игорь мыслію поля мѣрить отъ велика
Дону до малаго Донца. Комонь въ полуночи О
луръ свисну за рѣкою, велить князю разумѣти
Стукну земля, въсшумѣ трава, вежи ся полове
кія подвизошася. А Игорь князь поскачи гор
стаемь къ тростію и бѣлымъ гоголемь на вод
въврьжеся на бързъ комонь и скочи съ не
босымъ вълкомь, и потече къ лугу Доньца, и п
летѣ соколомь подъ мьглами, избивая гуси и л
беди завтроку и обѣду и ужинѣ. Коли Игорь с
коломъ полетѣ, тогда Овлуръ вълкомь поте
труся собою студеную росу: претъргоста бо св
бързая комоня“..

Или описанія Донца и Стугны. —

Особую поэтическую глубину придаетъ „С
ву“, кромѣ чуткаго восприниманія красотъ п
роды, также тотъ возвышенный лиризмъ, ко
рымъ проникнуто все произведеніе. „Слово“ у
не продуктъ народнаго творчества, а принад
житъ генію одного лица. Авторъ „Слова“ че
вѣкъ съ глубокой, страстной натурой, пережи
всѣ описываемые имъ факты, какъ событія с
ственной души: весь умъ его и все сердце е
заключены въ этомъ произведеніи; всѣ мыс

сѣ чувства, которыя волновали его, когда онъ ворилъ свою великую поэму. „Слово“ представяетъ блестящій образецъ той лиро-эпической оэмы, которую впослѣдствіи создалъ въ европейской литературѣ Байронъ, и ввелъ въ новую усскую — Пушкинъ. Во всей русской литературѣ рудно найти другое произведеніе, которое могло ы соперничать со „Словомъ“ по глубинѣ субъективности и по силѣ лирическаго подъема.

Въ „Словѣ“ ярко отразилась личность пѣвца со всѣми его взглядами, симпатіями и настроеніями. Онъ любитъ своихъ героевъ за ихъ прекрасныя душевныя качества, но возмущенъ ихъ кимъ пониманіемъ патріотизма. Онъ страдаетъ ри видѣ княжескихъ усобицъ. Онъ восторгается молодеческимъ видомъ княжескихъ дружинъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ его сердце сжимается ъ мрачныхъ предчувствій объ ихъ судьбѣ. ъ поэмѣ, по выраженію одного изъ критиковъ, ре и радость обнимаются. Въ ней заключены лыя сокровища чувства. Пѣвецъ не можетъ хранить художественную объективность. Онъ съ трепещетъ, горитъ, то чувствомъ яркаго сторга, то чувствомъ безконечной тоски. Поэма лна лирическихъ отступленій, непосредственхъ обращеній автора къ лицамъ и предметамъ. торъ даже природу заставляетъ раздѣлять его вства. И этотъ лиризмъ представляетъ, можетъ ть, самое тонкое и самое цѣнное достоинство мы.

Поразительнымъ является совершенство форвъ „Словѣ“, полное соотвѣтствіе между формой одержаніемъ. Несмотря на небольшіе размѣры

„Слова“, въ немъ много простора и возду. Пѣвецъ не вдается въ изображеніе излишни деталей, — онъ набрасываетъ лишь общій коло ритъ картины, ограничиваясь только самыми круп ными и типичными чертами. Изложеніе необык новенно живое и бойкое. Быстро и неожидан пѣвецъ перебрасывается отъ одной картин къ другой. Эта быстрая смѣна картинъ придает произведенію особую яркость.

И самый языкъ поэмы живой, отрывистый Пѣвецъ пишетъ короткими фразами, избѣгая ме ханическихъ переходовъ. Въ фразѣ нѣтъ ни од ного лишняго слова, каждое нужно, каждое пол но смысла. И быстрая смѣна фразъ напоминает игру молніи на небѣ. Языкъ поэмы богатъ не обыкновенно чуткими образами, передающими са мыя тонкія художественныя впечатлѣнія. Эпите ты, сравненія, метафоры — оригинальны, естест венны и свидѣтельствуютъ о необыкновенной кра сочности и нѣжности воображенія пѣвца. — Сул бѣжитъ „серебряными струями“. — Двина „течет болотомъ“. — Брячиславъ „изронилъ жемчужну душу изъ храбраго тѣла сквозь золотое ожерелье — Ярославна „одинокой кукушкой“ взываетъ с утра. — Всеволодъ можетъ „Волгу веслами ра брызгать, а Донъ вычерпать шлемами“. — Вс славъ „кинулся лютымъ звѣремъ о полуноч и повисъ въ синей мглѣ“, и т. д. Если-бъ пер числить всѣ прекрасныя и оригинальныя выр женія „Слова“, пришлось бы переписать эту п эму отъ начала до конца.

Изъ всего вышесказаннаго должно быть ясн что „Слово о полку Игоревѣ“ произведеніе наро

ное, и по своему духу и по своей формѣ. Проникнутое горячимъ патріотизмомъ, сросшееся съ русской природой, оно тѣсно связано съ народной душой, такъ какъ отразило въ себѣ міровоззрѣніе простонародья, его вѣрованія и суевѣрія. Языческій элементъ „Слова" чисто-русскій, глубоко-народный. Пѣвецъ „слова" былъ идеальнымъ представителемъ русской народной массы XII вѣка. Его творчество органически связано съ народнымъ творчествомъ. Пѣвецъ „Слова" развился подъ неотразимымъ вліяніемъ народной литературы, а въ особенности великаго Бояна, предъ которымъ благоговѣлъ и о которомъ отзывается съ восторгомъ. Вліяніе Бояна чувствуется во всей поэмѣ, отъ первыхъ ея строкъ до послѣднихъ.

Художественная сторона „Слова о полку Игоревѣ" является живымъ доказательствомъ того, до какого блестящаго развитія древне-русская литература могла бы дойти, если-бъ не монгольское иго, на долго заглушившее духовный ростъ русскаго народа.

Нелидовъ.

Историческая и поэтическая стороны поэмы.

Какъ въ „Поученіи Мономаха“ намъ представляется идеалъ русскаго князя, выработавшійся подъ вліяніемъ *христіанскимъ* въ средѣ княжеской жизни, какъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ мы видимъ еще прежнее *языческое міросозерцаніе* которое принадлежало болѣе массѣ и которое впрочемъ не мѣшало развиваться патріотическому чувству въ поэтѣ.

Эти остатки языческихъ вѣрованій, конечно были причиною, почему такое поэтическое произведеніе было слишкомъ *мало распространен* въ грамотной средѣ русскихъ людей.

Въ тѣ времена грамотность развивалась только вслѣдствіе религіозныхъ потребностей, отчег и всѣ грамотные были люди набожные, преимущественно монастырскіе. Они любили читат лишь книги содержанія религіознаго или нрав ственнаго, или лѣтописныя сказанія; они занима лись и перепиской книгъ, но изъ благочестія считая это дѣло христіанскимъ подвигомъ; очен понятно, что они не могли увлекаться таким

произведеніями, гдѣ всѣ поэтическіе образы и картины основаны на старинныхъ преданіяхъ и вѣрованіяхъ, къ которымъ христіанство относилось враждебно.

По той же причинѣ оно дошло до насъ не въ такомъ видѣ, въ какомъ создалось поэтомъ.

Онъ называетъ свое произведеніе *пѣснію*, тогда какъ складъ рѣчи извѣстнаго намъ „Слова" совсѣмъ *не пѣсенный* и не допускаетъ и мысли о пѣніи.

Въ метафорическомъ же смыслѣ слово „пѣть, пѣніе", какъ употребляютъ его новые поэты, онъ не могъ употребить, потому что въ тѣ времена поэты дѣйствительно пѣли, а не писали, и подъ вліяніемъ вдохновенія, принимались за гусли, а не за перо.

Надо полагать, что „Слово" записано впослѣдствіи какимъ либо грамотѣемъ по памяти, отчего нарушился и пѣсенный складъ рѣчи, отчего и въ языкъ ея вошли нѣкоторыя церковно-славянскія формы.

Кромѣ того мѣстами нужно предполагать *пропуски*, такъ какъ нѣкоторые переходы отъ одной части къ другой слишкомъ рѣзки, напр. отъ вступленія, гдѣ идетъ рѣчь о поэзіи Бояна и о главномъ предметѣ *повѣсти*, переходъ къ выступленію Игоря въ походъ „*тогда* Игорь возрѣ на свѣтлое солнце"; или послѣ „Игорь *ждетъ* мила брата Всеволода", слѣдуетъ тотчасъ же: „И *рече* ему буй-туръ Всеволодъ".

Поэтъ „Слова", какъ видно, воспиталъ въ себѣ поэтическій духъ старинными пѣснями, въ которыхъ воспѣвались подвиги первыхъ русскихъ

князей и ихъ дружинъ и изъ которыхъ часть могла войти и въ разсказы лѣтописи Нестора. Такъ какъ въ нихъ представляются военные интересы дружины и князя, то ихъ мы и можемъ отнести къ *дружинному эпосу*. Да и самое „Слово“ есть образецъ того же эпоса, хотя уже въ другомъ періодѣ своего развитія.

Какое впечатлѣніе на русскихъ людей производили такія пѣсни, это мы можемъ видѣть по восторгу, съ какимъ пѣвецъ „Слова“ относится къ нимъ, соединяя съ ними имя Бояна, *пѣснотворца стараго времени*. По нимъ онъ знакомъ со всѣмъ прошедшимъ русскаго народа, а прошедшее это было славно: то были времена стараго Владимира, лѣта Ярослава и Мстислава, который зарѣзалъ Редедю передъ косожскими полками; на долю же поэта „Слова“ досталось представлять былины новаго времени — бѣдствія Русской земли.

Въ этой новой пѣснѣ стало уже невозможнымъ „замышленіе Бояна“; поэзія должна была питаться чувствомъ горести и скорби, не „скача соловьемъ по мысленному дереву, не взвиваясь орломъ подъ облака“.

Изъ старинной поэзіи пѣвецъ „Слова“ заимствуетъ нѣкоторыя картины и припѣвки, не оставляя впрочемъ исторической почвы и стараясь изобразить то, что дѣйствительно возбуждало горесть въ русскихъ сердцахъ.

Время, изображенное поэтомъ, было самое тяжелое — шла ожесточенная борьба между Мономаховичами и Ольговичами. Великимъ княземъ съ 1176 года былъ внукъ Мономаха Всеволодъ

Юрьевичъ, жившій во Владимірѣ; старшій въ родѣ Ольговичей былъ внукъ Олега, Святославъ Всеволодовичъ, княжившій въ Кіевѣ и присвоивавшій себѣ титулъ великаго князя. Первые годы своего правленія Всеволодъ провелъ въ усиленной борьбѣ съ Святославомъ; здѣсь въ средѣ Мономаховичей отличались въ особенности дѣятельные Ростиславичи, правнуки Мономаха, Рюрикъ и Давидъ; въ средѣ Ольговичей — князья сѣверскіе, Игорь и Всеволодъ Святославичи (сыновья Святослава Ольговича).

Игорь еще при великомъ князѣ Андреѣ Боголюбскомъ въ 1171 году прославилъ себя побѣдою надъ половецкими ханами Кобякомъ и Кончакомъ, напавшими на Русскую землю.

Впрочемъ, Ольговичи, по примѣру дѣда своего Олега, сами нерѣдко призывали половцевъ на подмогу себѣ противъ Мономаховичей.

Такъ еще въ 1181 году Святославъ, нанявъ множество половцевъ, имѣлъ съ великимъ княземъ военное дѣло, въ которомъ отличился одинъ изъ сѣверскихъ князей, Всеволодъ трубческій; а братъ его Игорь, предводительствуя половцами въ полкахъ Святослава, былъ разбитъ въ кіевской области Рюрикомъ Ростиславичемъ.

Такой призывъ половцевъ безславилъ Ольговичей въ глазахъ народа, который выказывалъ большую любовь къ роду Мономаха, всегда встрѣчавшему враговъ Русской земли вооруженною рукою.

Такъ и при послѣдней битвѣ Рюрикъ-Мономаховичъ, оставшись побѣдителемъ, не хотѣлъ продолжать вражду, а призналъ Святослава старѣй-

шимъ, отдалъ ему Кіевъ и обѣщалъ вѣрную дружбу сѣверскимъ князьямъ, съ условіемъ чтобы они, подобно ему, защищали Русскую землю отъ половецкихъ набѣговъ и не давали бы христіанъ въ жертву дикимъ хищникамъ.

И, дѣйствительно, въ 1184 году южно-русскіе князья соединились противъ половцевъ; имъ на подмогу прислалъ дружину и знаменитый князь галицкій Ярославъ *Осмомыслъ*.

Походъ былъ удаченъ: русскіе нѣсколько разъ разбивали половцевъ, забрали много плѣнныхъ и добычи и возвратились со славою на родину.

Но въ этомъ походѣ не участвовали князья сѣверскіе — Игорь новгородскій и братъ его Всеволодъ трубчевскій; оба они отличались отвагою; лѣтопись особенно славитъ Всеволода, называя его *удальнѣйшимъ* изъ всѣхъ Ольговичей.

На слѣдующій годъ они задумали также добыть себѣ славу въ степяхъ половецкихъ и отправились къ Дону; съ ними пошли сынъ Игоря Владиміръ, князь путивльскій, и племянникъ, сынъ покойнаго ихъ брата Олега, Святославъ, князь рыльскій.

Вотъ этотъ—то походъ и послужилъ содержаніемъ „Слова о полку Игоревѣ“.

Онъ также подробно описанъ и въ Ипатьевской лѣтописи; сличая съ нею разсказъ „Слова“, мы заключаемъ, что поэтъ избѣгаетъ вымысла и повѣствуетъ дѣйствительно по *былинамъ своего* времени, но повѣствуетъ какъ поэтъ, а не какъ лѣтописецъ.

Князья уже приближались къ рѣкѣ Дону, разсказываетъ лѣтопись, вдругъ вечеромъ Игорь, посмотрѣвъ на небо, увидѣлъ солнце, стоящее какъ мѣсяцъ, и сказалъ боярамъ и дружинѣ: посмотрите, что это за знаменіе. Они, увидавъ это, поникли глазами, говоря: князь, это знаменіе не на добро. Игорь отвѣчалъ: братья и дружина, тайны Божіей никто не знаетъ, творецъ знаменью Богъ; что онъ сотворитъ намъ, на добро-ли, на зло, то намъ и увидать. Сказавъ это, онъ перешелъ Донецъ, пришелъ къ Осколу и тамъ ждалъ два дня брата Всеволода, который шелъ инымъ путемъ изъ Курска. Соединившись, они отправились далѣе и на утро въ пятницу встрѣтились съ половцами; первая битва съ ними была удачна для русскихъ, враги ихъ побѣжали, преслѣдуемые дружинами княжескими, и оставили въ ихъ рукахъ много добычи. Лѣтописный разсказъ при описаніи этой и слѣдующей уже роковой для русскихъ битвы отличается многими подробностями, которыхъ нѣтъ въ поэтическомъ „Словѣ", видно, что онъ составленъ со словъ участника въ дѣлѣ. Русскіе конники, составлявшіе дружину, окруженные толпами половцевъ, могли бы черезъ нихъ пробиться, но они не хотѣли оставить *черныхъ людей* на жертву врагу „оже набѣгнемъ, утечемъ сами, а черные люди оставимъ, то отъ Бога ны будетъ грѣхъ, сихъ выдавше; пойдемъ, но или умремъ, или живы будемъ на единомъ мѣстѣ". Тогда они спѣшились и всѣ вмѣстѣ продолжали битву. Не смотря на рану, Игорь выказалъ много храбрости въ битвѣ. Увидя своего брата Всеволода крѣпко

борющагося, онъ просилъ смерти душѣ своей, чтобы не видѣть паденія брата, а Всеволодъ такъ бился, что даже не осталось и цѣльнаго оружія въ рукахъ его. „И тако, прибавляетъ лѣтопись, въ день святаго воскресенія наведе на мя Господь гнѣвъ свой, въ радости мѣсто наведе на ны плачь и во веселья мѣсто жалю, рѣцѣ Каялы“. И далѣе влагается въ уста Игоря въ видѣ раскаянія обыкновенная мораль тогдашнихъ набожныхъ людей.

„Помянухъ азъ грѣхы своя предъ Господомъ Богомъ моимъ, яко много убійство, кровопролитье створихъ въ землѣ хрестьянстѣй, яко же бо азъ не пощадѣхъ хрестьянъ, но взяхъ на щитъ городъ Глѣбовъ у Переяславля; тогда бо не мало зло подъяша безвинніи хрестьяни, отлучаемы отець отъ рожденій своихъ, братъ отъ брата, другъ отъ друга своего, и жены отъ подружій своихъ, и дщери отъ матерій своихъ, и подруга отъ подругы своея, и все смятено плѣномъ и скорбью тогда бывшею, живіи мертвѣмъ завидять, а мертвіи радовахуся, аки мученици святѣи огнемъ отъ жизни сея искушеніе пріемше, и та вся створивъ азъ, рече Игорь, не достоіно ми; бяшеть жити, и се нынѣ вижю отместье отъ Господа Бога моего гдѣ нынѣ возлюбленныіі мой братъ? гдѣ нынѣ брата моего (Олега) сынъ? гдѣ чадо рожденія моего? гдѣ бояре думающѣи, гдѣ мужи храборьствующѣи, гдѣ рядъ полчный? гдѣ кони и оружья многоцѣнная? Не отъ всего ли того обнажихся, и связня преда мя въ рукы безаконнымъ тѣмъ? се возда ми и Господь по безаконію моему и по злобѣ моей на мя, и снидоша днесь грѣси мои на главу мою“...

Эта придуманная рѣчь Игоря прекрасно рисуетъ тѣ ужасныя бѣдствія, которыя долженъ былъ терпѣть народъ отъ княжескихъ междоусобій. Не помогло раскаяніе Игоря: дружины княжескія были перебиты; спаслись очень немногіе; князья были забраны въ плѣнъ. Половцы же раздѣлились на двое; одни съ ханомъ Кончакомъ пошли къ Переяславлю, другіе съ Гзою въ Сѣверскую землю; и тамъ и здѣсь произвели страшныя опустошенія, такъ какъ князья не были готовы для встрѣчи ихъ. Между тѣмъ Игорь, находясь въ плѣну, пользовался нѣкоторою свободою. Къ нему привязался половчанинъ Лаворъ и вызвался помочь ему спастись изъ плѣна бѣгствомъ; но Игорь сначала не хотѣлъ воспользоваться этимъ, боясь навлечь на себя дурную славу:

„Азъ славы дѣля не бѣжахъ тогда отъ дружины, и нынѣ не славнымъ путемъ не имамь пойти". (Наконецъ князя уговорили бѣжать нѣкоторые изъ дружины, бывшіе съ нимъ въ плѣну). „Не бяшеть бо ему лзѣ бѣжать въ день и въ ночь, иже сторожеве стережахуть его, токмо и время таково обрѣте въ заходъ солнца. И посла Игорь къ Лаврови конюшаго своего, река ему: переѣди на ону сторону Тора съ конемъ поводнымъ... Въ тоже время половци напилися бяхуть кумыза, а и бы при вечерѣ: пришедъ конюшій повѣда князю своему Игореви, яко ждеть его Лаворъ. Сей же вставъ ужасенъ и трепетенъ и наклонился образу Божію и кресту чесному, глаголя: Господи, сердцевидче! аще спасеши мя, Владко, ты недостойнаго, и возмя на ся крестъ,

икону и подойма стѣну лѣзе вонъ. Сторожемъ же его играющимъ и веселящимся, а князя твоего перяхуть спяща. Сіи же пришедъ ко рѣцѣ и перебредъ и всѣде на конь; и тако поидоста сквозѣ вѣжа. Се же избавленіе створи Господь въ пятокъ въ вечерѣ; и иде пѣшь 11 день до города Донца, и оттолѣ иде во свой Новъгородъ".

Владиміръ, сынъ Игоря, еще нѣсколько времени пробылъ въ плѣну у половцевъ и уже черезъ два года возвратился къ отцу, женатый на дочери половецкаго хана; съ нимъ прибылъ дядя его Всеволодъ.

Здѣсь сокращенно изложено лѣтописное повѣствованіе, съ которымъ можно сравнить *историческую* сторону „Слова о полку Игоревѣ".

Какъ *поэтическое* произведеніе, оно рѣзче и многостороннѣе отражаетъ свою эпоху: здѣсь мы видимъ тогдашнюю русскую жизнь *въ самыхъ крупныхъ ея чертахъ.* Поэтъ представляетъ не только походъ на половцевъ, но и княжескія *крамолы,* приносившія много страданій Русской землѣ; онъ указываетъ и на главныхъ участниковъ этой междоусобной борьбы, которые, отличаясь доблестями, тратили свои силы на гибель русскихъ, вмѣсто того, чтобы соединиться и поражать враговъ Русской земли. Поэтъ рисуетъ и картины изъ прошедшей жизни, припоминаетъ и славныхъ дѣятелей ея, отличая тѣхъ, которые думали о благѣ народа, отъ тѣхъ, которые причиняли ему зло. Много воспоминаній накопилось въ памяти отъ его исторической жизни, *отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря.* Эту-то жизнь и изображаетъ намъ поэтъ.

Походъ Игоря — фактъ самъ по себѣ незначительный въ общемъ ходѣ историческихъ событій, но поэтъ выбралъ его, поддавшись патріотическому чувству, руководствуясь интересомъ своего времени. Набѣги половцевъ причиняли столько зла русскимъ, что борьба съ ними была подвигомъ народнымъ. Въ то время для народной эпопеи нельзя было и выбрать предмета лучше этой борьбы, а поэту, жившему народною жизнію, сочувствовавшему всѣмъ бѣдствіямъ народнымъ, даже удобнѣе было остановиться на несчастномъ походѣ, чтобы вокругъ него сгруппировать все то зло, которымъ страдала Русская земля.

Сочувствуя отважному предпріятію Игоря. съ цѣлью ослабить половецкія силы, предпріятію хотя и неудачному, поэтъ даже забываетъ, что Игорь еще недавно самъ предводительствовалъ тѣми же половцами противъ дружинъ русскихъ; смотритъ на него уже какъ на героя, какъ на страдальца за Русскую землю, въ которомъ можно олицетворить идеалъ князя.

Не такъ поступаетъ лѣтописецъ, представляя Игоря, окруженнаго врагами; онъ припоминаетъ то зло, которое пришлось потерпѣть отъ этого князя *христіанамъ*, и въ его пораженіи видитъ только достойное возмездіе за то.

Для идеала князя, созданнаго поэтомъ, мало однихъ военныхъ доблестей и всѣхъ лучшихъ чертъ, составляющихъ идеалъ воина; съ ними должно еще сливаться сознаніе тѣсной связи съ Русской землею, и отсюда всѣ силы его должны быть направлены на благо той же земли.

Это требованіе отъ русскаго князя высказывалось и прежде, другими лучшими и нравственными людьми. Это идеалъ того времени, который усвоилъ себѣ и поэтъ.

Въ его глазахъ никакія доблести княжескія не могутъ возвысить князя, если съ ними не соединится вопросъ о Русской землѣ.

Вотъ отъ чего онъ высказываетъ видимое нерасположеніе къ дѣду Игоря Олегу, князю весьма доблестному, но не болѣвшему за Русскую землю.

Вотъ отчего каждая попытка князя для дѣла на общее благо возбуждаетъ въ поэтѣ восторгъ до забвенія всѣхъ бѣдствій, вызванныхъ прежде тѣмъ же самымъ лицомъ.

И за то какими яркими красками рисуетъ онъ доблести этихъ князей, какъ героевъ Русской земли: Игоря съ Всеволодомъ, Святослава кіевскаго, великаго князя Всеволода, Ростиславичей — Рюрика съ Давидомъ, Ярослава Галицкаго и другихъ.

Сознаніе единства Русской земли, несмотря на ея раздробленность, также ясно высказывается у поэта. Оно конечно вытекало изъ единства рода князей, которые дѣлили между собою землю, но признавали главою одного, старшаго изъ своей среды.

Отсюда и патріотизмъ поэта не мѣстный, не областной а *обще-русскій*. Онъ сзываетъ всѣхъ русскихъ князей вступиться за землю Русскую, за раны Игоря. Его трогаютъ страданія *всего народа*, гдѣ бы они ни проявились, ему знакомы и дороги славныя преданія всей земли.

Сравненіе „Слова“ *съ нынѣшнею южно-русскою поэзіею* представляетъ сходство въ нѣкоторыхъ эпическихъ пріемахъ, какъ напр., сравненіе битвъ съ пиромъ или работами земледѣльца, уподобленіе горюющей женщины кукушкѣ или горлицѣ, или другой птицѣ.

Слогъ „Слова“ отличается особенною сжатостью, которая сообщаетъ ему силу; въ языкѣ сохранились древнія формы и признаки языка южно-русскаго, хотя неисправная редакція и внесла въ него много неправильностей.

В. Стоюнинъ.

Оглавленіе.

„ Доходное мѣсто. ц. — к.

41) **Гончаровъ.** Обломовъ. ц. — к.

42) **Гончаровъ.** Обыкновенная исторія. ц. — к.

43) „ Обрывъ. ц. — к.

44) Поэма и лирика Пушкина. ц. — к.

45) Поэма и лирика Лермонтова. ц. — к.

46) **Аксаковъ.** Семейная хроника. ц. — к.

47) „ Дѣтскіе годы Багрова внука. ц. — к.

48) **Достоевскій.** Бѣдные люди. ц. — к.

49) „ Преступленіе и наказаніе. ц. — к.

50) **Достаевскій.** Бѣсы. ц. [illegible]

51) „ Идіотъ. ц. — к.

52) Достоевскі[illegible]ъ [illegible]ужник[illegible] и пуб[illegible]тъ [illegible]

53) **Ал. Толстой.** [illegible] Сере[illegible]яны[illegible]

54) 55) 56) „ [illegible]гія 3[illegible] ц. — к.

57) **Л. Толстой.** Дѣтство, отрочество и юность. ц. — к.

58) „ Анна Каренина. ц. — к.

59) „ Война и миръ. ц. — к.

60) **Загоскинъ.** Юрій Милославск[illegible] ц. [illegible] к.

61) **Майкова.** Два м[illegible] — к.

62) **Григоровичъ.** А[illegible] Горем[illegible]а. [illegible] к.

63) „ Рыб[illegible] — к.

Примѣчаніе: Выпуски, на коихъ цѣны не выставлены, печатаются.

